Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

7996
69694

ГОГОЛЬ

ПРЕДЪ СУДОМЪ

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. ГЕРСЕВАНОВА.

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.
1861.

Gerseranov, N

ГОГОЛЬ

ПРЕДЪ СУДОМЪ

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. ГЕРСЕВАНОВА.

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.
1861.

PG 3335
.G4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ст.-Петербургъ, 20 Февраля 1861 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Зиб. 53 ф.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНѢ,

ОКЛЕВЕТАННОЙ ГОГОЛЕМЪ.

А вы, о Боже мой! кого себѣ избрали!
Когда подумаю, кого вы предпочли.....;
Къ чему, несчастный стремились?
Предъ кѣмъ унизили свой умъ,
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдились.

Mihi Galba, Otho, Vittelius nec injuria, nec beneficio cogniti.

TACITUS.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не исключая Карамзина и Пушкина, пользовавшихся въ свое время огромнымъ авторитетомъ, ни одинъ писатель, не только въ Россіи, но и въ древнихъ и новыхъ литературахъ, не пользовался такою популярностью, какъ Гоголь. Прошло восемь лѣтъ со дня его смерти, и слава его не только не упала, напротивъ — растетъ со дня на день. Книгопродавцы богатѣютъ, не успѣвая печатать его произведеній; театры, даже домашніе, безпрестанно ставятъ его пьесы; молодое поколѣніе знаетъ наизусть цѣлыя тирады изъ «Мертвыхъ Душъ»; литераторы всѣхъ партій, послѣ смерти его враговъ: Булгарина и Сеньковскаго, — благоговѣютъ предъ нимъ. Онъ слыветъ патріотомъ, философомъ, мудрецомъ, поэтомъ, христіаниномъ, чуть не апостоломъ; онъ глава такъ называемой натуральной школы; однимъ словомъ, по извѣст-

ности и вліянію на потомство, только Вольтеръ можетъ съ нимъ спорить.

Въ этихъ очеркахъ авторъ предполагаетъ высказать, что слава Гоголя не заслужена имъ: не былъ онъ ни поэтомъ, ни христіяниномъ, ни философомъ, ни мудрецомъ. Имѣя талантъ сатирическій, онъ обладалъ неимовѣрнымъ искусствомъ — показать товаръ лицемъ, — и въ этомъ состояло главное его достоинство, въ этомъ заключается разгадка колоссальнаго, по истинѣ, успѣха. Второстепенныя причины содѣйствовали гораздо менѣе. То были:

Всего менѣе — талантъ, весьма посредственный, мелкій, сатирическій.

Родъ имъ избранный: площадная, грязная сатира, по плечу большинства русскихъ читателей.

Современное положеніе тогдашняго русскаго общества.

Но сіи три причины недостаточны были возвысить его до втораго плана, на которомъ остались многіе современные писатели, не уступавшіе ему талантомъ; напримѣръ Квитка. Повторяемъ, главная, почти единственная причина его успѣховъ заключается въ рѣдкомъ дарѣ — заискивать у людей нужныхъ, слиться съ ихъ интересами и, подъ личиною усердія, заставить ихъ дѣйствовать

въ свою пользу. Въ этомъ отношеніи, ни одинъ Молчалинъ древнихъ и новыхъ временъ не можетъ идти съ нимъ ни въ какое сравненіе. Строгіе моралисты называютъ это — подлостью.

Читатели, которые могутъ подумать, что авторомъ руководили какія нибудь личныя отношенія, предупреждаются, что авторъ этихъ очерковъ ни разу не видѣлъ Гоголя и главнаго врага его Булгарина; не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній ни лично, ни письменно; незнакомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, коимъ адресованы многочисленныя его письма. Illi Galba, Otho, Vitellius nec beneficio, nec injuria cogniti, — слѣдственно, личныхъ отношеній никакихъ не могло быть.

Главнымъ источникомъ извѣстій о Гоголѣ служили автору печатные матеріалы и, въ особенности, переписка, помѣщенная въ пятомъ и шестомъ томахъ его сочиненій, изданныхъ въ 1857 году; изданныя Кулишемъ записки о жизни Н. В. Гоголя С.-Петербургъ, 2 т. 1854 г., и немногія статьи, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ.

При семъ авторъ проситъ извиненія у многочисленныхъ пріятелей Гоголя, къ коимъ адресованы его письма. Согласившись на обнародованіе писемъ, изъ коихъ девять-десятыхъ должны бы быть тотчасъ сожжены, они дали всякому право

говорить печатно о ихъ отношеніяхъ къ Гоголю и, слѣдственно, о нихъ самихъ. Еще болѣе проситъ авторъ прощенія у почтенной матери и сестеръ Гоголя. Авторъ смотритъ на своего героя, конечно, не съ той точки, какъ нѣжная мать и любящія сестры. Каждое слово автора будетъ для нихъ большою непріятностью. Чтожъ дѣлать? гласность имѣетъ свои неотъемлемыя права. Авторъ даетъ слово быть скромнымъ, не раскрывать семейныхъ тайнъ, которыя, при жизни родныхъ, не должны являться въ свѣтъ.

Чѣмъ же былъ Гоголь? спросятъ многочисленные его обожатели.

Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи.

Это послѣднее обстоятельство побудило автора взяться за перо.

Авторъ предполагаетъ разсмотрѣть Гоголя — какъ семьянина, гражданина и писателя.

II.

ГОГОЛЬ — СЕМЬЯНИНЪ.

Гоголь родился 19-го марта 1810 года, въ селеніи Сорочинцахъ, недалеко отъ родоваго села Васильевки; воспитывался сначала въ уѣздномъ Полтавскомъ училищѣ, потомъ въ гимназіи и, на-

конецъ, въ Нѣжинскомъ лицеѣ, гдѣ пробылъ четыре года, и гдѣ, надо замѣтить мимоходомъ, учился весьма плохо, не выучившись ни одному языку, ни даже русскому. При вступленіи въ лицей, ему было четырнадцать лѣтъ. При выпускѣ, наставники атестовали его скромнымъ и благонравнымъ; но никакъ не должно воображать его тѣмъ, что называется смирною овцою [1]). Маленькія, злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ. Любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, — онъ отъ самыхъ близкихъ многое скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины; никому недовѣрялъ, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Слово его было такъ метко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Письма его къ роднымъ, напечатанныя въ полномъ собраніи сочиненій, начинаются съ 1820 г., когда ему было только десять лѣтъ. Но уже въ эти лѣта выказывается характеръ его — холодный, черствый, совершенное отсутствіе всякаго чувства, лицемѣріе и деспотизмъ. Такъ, напримѣръ, десяти лѣтъ, онъ пишетъ отцу:

«Крайне желая васъ видѣть, пишу къ вамъ, чтобы пріѣхали хотя вы, дражайшій папенька, за мною на празд-

[1]) Опытъ Біографіи Гоголя, Николая М., стр. 12.

никъ, а не то, такъ прислали бы за мною, но только съ письмомъ. Но лучше было бы, еслибы сами пріѣхали» [1]).

Одно изъ замѣчательныхъ писемъ его — къ матери, отъ 25-го апрѣля 1825 года, по полученіи извѣстія о смерти отца:

«Не безпокойтесь, дражайшая маменька, я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою; но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему» [2]).

Такъ-ли выражается чувство въ пятнадцатилѣтнемъ сынѣ? Тутъ есть все, кромѣ того, что всякій думаетъ тамъ найдти — сыновней горести о потерѣ добраго отца. Есть скрытность, очень рѣдкая въ такомъ раннемъ возрастѣ. Онъ не далъ никому замѣтить, что опечаленъ; какъ будто надо краснѣть за слезы по отцѣ. Далѣе, пишетъ онъ, хотѣлъ посягнуть на жизнь. Лицемѣріе, ложь! Естественное-ли дѣло — самоубійство въ пятнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, потому что умеръ отецъ. Актерство очевидно. Далѣе слѣдуютъ нѣсколько

---

[1]) Т. V, стр. 4. [2]) Т. V, стр. 19.

словъ, гдѣ какъ будто проглядываетъ сыновнее чувство, потомъ опять актерство, воззваніе къ религіи:

«Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія своей горести».

Потомъ наставленіе матери:

«Прибѣгните, такъ какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему. Зачѣмъ я теперь не съ вами? вы были бы утѣшены. Но чрезъ полтора мѣсяца каникулы — и я съ вами. До тѣхъ поръ уменьшите хотя немного свою печаль. Незабудьте, что съ вашимъ благополучіемъ соединено благополучіе и вашего сына...»

До тѣхъ поръ уменьшите хотя немного свою печаль! Какъ будто можно по произволу уменьшать или увеличивать свою горесть. Какъ будто слезы — вода, а сердце — сосудъ съ краномъ, который можно отворять болѣе или менѣе, чтобы вода текла обильнѣе.

«Я съ вами».

Къ этому *я* все приводится у Гоголя, даже въ семейномъ быту; это можно будетъ замѣтить въ каждомъ его письмѣ, на каждой почти страницѣ.

Актерство явно проглядываетъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма отъ 26-го мая. Не получая долго писемъ, онъ приходитъ въ отчаяніе и стонетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ:

«Я вамъ говорю, что если я васъ не увижу, я не знаю тогда, на что рѣшусь. Если-же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда-то прибѣгну я къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средства, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности» [1]).

Точно актеръ стоитъ предъ зеркаломъ и учится придавать чертамъ лица выраженіе гнѣва, ужаса и другихъ сильныхъ ощущеній. Отчаяніе есть высшая степень горести, и ему нельзя по произволу предаваться.

Замашки моралиста проявляются уже на шестнадцатомъ году возраста:

«Позвольте, дражайшая маменька, и вамъ немного попенять за молчаніе» [2]).

Гордость и деспотизмъ необыкновенно рѣзко выказываются въ слѣдующихъ словахъ письма отъ 15 октября.

«Только не знаю къ чему относится приписка послѣ письма, гдѣ вы говорите, что я себя возвысилъ, а унизилъ васъ» [3]).

Обстоятельство, здѣсь подразумѣваемое, неизвѣстно; но оно превосходно рисуетъ характеръ нашего семнадцатилѣтняго героя. Мать, нѣжная и, слѣдственно, ослѣпленная насчетъ сына, замѣ-

---

[1]) Т. V, стр. 22. [2]) Id. 29. [3]) Id. 40.

чаетъ, однакожъ, что онъ старается возвысить себя насчетъ родныхъ.

Настоящій характеръ Гоголя раскрывается въ откровенномъ письмѣ къ лицейскому товарищу Г. М. Высоцкому, изъ Нѣжина, отъ 17 января 1827 года. Здѣсь нѣтъ ни скрытности, ни актерства, ни юношескаго одушевленія.

«По крайней мѣрѣ позволь сказать, что ни къ кому сердце мое не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія ужъ рано сродпили насъ, вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты уже на мѣстѣ; уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я... Зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? Зачѣмъ намъ дано нетерпѣнье? мысль о немъ и днемъ, и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденье, а мнѣ еще неближе полтора года видѣть тебя» [1]).

Въ письмѣ, 24 марта, говоритъ объ отцѣ приторно: называетъ его ангеломъ.

Письма, писанныя въ эту пору, къ лицейскимъ товарищамъ, особенно интересны откровенностью,

---

[1]) Т. V, стр. 44.

доходящею нерѣдко до цинизма. Впослѣдствіи дѣлается онъ гораздо осторожнѣе: остается цинизмъ, но откровенности нѣтъ никакой, — и тѣмъ болѣе они замѣчательны. Ему только семнадцать лѣтъ; но честолюбіе, стремленіе къ извѣстности начинаютъ его мучить. Вотъ что пишетъ онъ, отъ 27 іюня, къ Высоцкому же:

«Неужели мы должны вѣкъ серьозничать, и отчего же не быть изрѣдка творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша..... Уже ставлю себя мысленно въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найдти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся-ли мои предположенія, буду-ли я живать въ этомъ райскомъ мѣстѣ, — или неумолимое вертено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ...» [1])

Какъ извѣстно, Гоголь учился лѣниво. Но чувствуя смутно, что для полученія двѣнадцатаго класса нужно поболѣе прилежанія, пишетъ онъ матери, отъ 15 декабря 1827 года:

«О потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть и произведу (я всегда достигалъ своихъ намѣреній) вдвое болѣе, чѣмъ во все время моего здѣсь пребыванія... нежели въ цѣлые шесть лѣтъ... Но при неу-

[1]) Т. V, стр. 58.

сыпности, при моемъ желѣзномъ терпѣньи, я надѣюсь положить начало, по крайней мѣрѣ, котораго невозможно было бы сдвинуть,— начало великаго, предначертаннаго мною зданія. Въ это время занимаюсь я языками. Успѣхъ, слава Богу, вѣнчаетъ мои начинанія. Но это еще ничто въ сравненьи съ предполагаемымъ въ остальные полгода: я положилъ себѣ за непремѣнное окончить совершенно изученіе трехъ языковъ» [1]).

Это хвастовство не оправдалось. Въ лицеѣ онъ не выучился ни одному иностранному языку, а отъ нѣмецкаго имѣлъ даже отвращеніе.

Кончивъ курсъ наукъ въ Безбородкинскомъ лицеѣ, въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались двѣнадцатымъ классомъ), Гоголь уѣхалъ на родину, а оттуда, въ началѣ 1829 года, въ Петербургъ. Изъ писемъ его знаемъ, что его привлекали въ столицу — честолюбіе, театръ и поѣздка за-границу. Весьма естественно, что Петербургъ показался ему не такимъ, какъ онъ воображалъ его.

«Петербургъ показался мнѣ вовсе не такимъ, какъ я думалъ; я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали о немъ, также лживы». Такъ пишетъ онъ, отъ 3 января 1829 года [2]).

Сталъ онъ сначала думать о мѣстѣ, о поѣздкѣ

---

[1]) Т. V, стр. 68. [2]) Id., стр 77.

за-границу, искалъ попасть въ актеры, — но все это неудалось. Жилъ онъ въ нуждѣ, съ соученикомъ своимъ, г. Прокоповичемъ, занялся литературою, и просилъ мать и сестеръ присылать ему описанія обычаевъ малороссійскихъ, въ особенности старинныхъ, повѣрій, пѣсенъ, одежды и т. п. Первымъ его опытомъ была поэма «Ганцъ Кюнерсгартенъ», въ стихахъ, напечатанная отдѣльною книгою, подъ чужимъ именемъ.

Издатель «Телеграфа», Полевой, ее осмѣялъ. Гоголь понялъ, что это не его назначеніе, отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры поэмы и сжегъ ихъ. Пробывъ едва полгода въ Петербургѣ, вдругъ вздумалъ онъ ѣхать за-границу, сѣлъ на пароходъ и отправился въ Любекъ, безъ денегъ, цѣли и безъ знанія языковъ. Причины, побудившія его ѣхать, довольно темны, какъ и письма къ матери, отъ 24 іюня.

«Я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя самъ Богъ вдвинулъ въ меня..... Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чотбы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ и уединеньи..... и я осмѣлился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней, между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно; — пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ непредставляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ

занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ — это убійственно.....

Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи легко получали то, чего я съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть» [1]).

Далѣе идутъ нѣсколько неясныхъ фразъ, изъ коихъ можно догадываться, что одною изъ причинъ внезапнаго отъѣзда была любовь.

Обманутое честолюбіе, отчасти безнадежная любовь и быть можетъ что другое рѣшили его ѣхать въ Любекъ. Паспортъ и отпускъ онъ скоро получилъ; средствъ, конечно, не было, — и онъ позволилъ себѣ присвоить деньги, присланныя матерью въ Опекунскій совѣтъ.

«Поступокъ рѣшительный, безрасудный — сознается онъ — всѣ деньги, слѣдуемыя въ Опекунскій совѣтъ, оставилъ я себѣ, и теперь могу рѣшительно сказать — болѣе отъ васъ не потребую».

«Не огорчайтесь, добрая маменька, этотъ переломъ для меня необходимъ; это училище непремѣнно образуетъ меня; я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ (въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца).... По крайней мѣрѣ, всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ.....»

13 августа прибылъ онъ на пароходѣ въ Любекъ, и пишетъ оттуда совсѣмъ другое:

---

[1]) Т. V, стр. 84.

«Всю весну и лѣто въ Петербургѣ я былъ боленъ: по всему лицу и рукамъ большая сыпь. Доктора сказали, что это слѣдствіе золотухи, что у меня крѣпко кровь испорчена, что нужно принимать кровочистительный декоктъ, и присудили пользоваться водами въ Травемюнде» [1]).

Но нѣжная мать поняла это совсѣмъ иначе, какъ видно изъ письма отъ 24 сентября, котораго неслѣдовало пускать въ свѣтъ. Родные подумали, говоря языкомъ салоннымъ, что Гоголь, молодой и холостой человѣкъ, срывая розу, укололся шипами. Нѣжной матери, жившей въ деревенской глуши, позволительно придать важность грѣхамъ молодости; но печатать такого письма неслѣдовало. Гоголь, вмѣсто того чтобы промолчать, что было бы всего благоразумнѣе, — пришелъ въ ужасъ, которому не очень вѣримъ, обрадовался случаю прикинуться героемъ добродѣтели, впалъ въ самый напыщенный паѳосъ и далъ разгадку мизогиніи, которая была причиной его меланхоліи и, вѣроятно, смерти, и дала такой аскетическій, грязный колоритъ его сочиненіямъ.

«Съ ужасомъ читалъ я письмо ваше, пущенное 6-го сентября.... Какъ вы могли, маменька, подумать, что я добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! наконецъ рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса

[1]) Т. V, стр. 89.

даже самыя мысли мои! Въ первый разъ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ я такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ будто я слышу проклятіе..... Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ-родителей могъ быть *чудовищемъ*, въ которомъ не осталось ни одной черты добродѣтели. Но я готовъ дать отвѣтъ предъ лицемъ Бога, если я учинилъ одинъ развратный подвигъ, и нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Чтоже касается до пьянства, я никогда не имѣлъ этой привычки» [1]).

Къ чему было печатать такую отвратительную исповѣдь! Онъ явно сознается въ душевной неспособности любить. Очевидно, что онъ выдумалъ сынъ; ибо въ письмѣ изъ Петербурга, забывъ о сыпи, онъ говоритъ о какой-то грудной болѣзни.

Какъ бы ни было, мечтатель нашъ, пробывъ нѣсколько недѣль въ Любекѣ и Гамбургѣ, и видя истощеніе финансовъ, возвратился въ Петербургъ, къ тому же Прокоповичу, съ которымъ квартировалъ вмѣстѣ уже полгода.

При помощи покровителей, опредѣлился онъ, въ апрѣлѣ 1830 года, на службу въ Департаментъ удѣловъ, и занялъ мѣсто помощника столоначальника; потомъ выпросили они для него мѣсто старшаго учителя исторіи въ Патріоти-

[1]) Т. V, стр. 95.

ческомъ институтѣ, которое онъ и занялъ съ марта 1831 года, и ввели его наставникомъ дѣтей въ два богатые дома.

Но въ Департаментѣ удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только ту пользу, что научился сшивать бумаги. И въ качествѣ преподавателя не отличился онъ большими достоинствами. Только въ первое время принялся онъ за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши. Но мало-по-малу занятія литературныя отвлекли его отъ однообразныхъ трудовъ учителя, тѣмъ болѣе, что онъ свелъ знакомство съ литераторами. Въ теченіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера; однѣ напечатаны безъ подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

Но денегъ у него мало, и онъ проситъ о присылкѣ ста рублей въ мѣсяцъ, хотя, уѣзжая въ Любекъ, обѣщалъ никогда не просить. Добрая мать остается попрежнему нѣжною, напрягаетъ всѣ усилія, чтобъ помочь ему. Гоголь благодаритъ, и на удивленіе матери, почему онъ не можетъ жить службою, отвѣчаетъ:

«Теперь взятки гг. служащихъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ ограничены; но есть иные пути» [1]..... и развиваетъ теорію, которую Молчалинъ призналъ бы съ радостью гораздо выше отцовскаго завѣщанія. Она будетъ изложена въ своемъ мѣстѣ.

Служба стала идти лучше, по крайней мѣрѣ такъ ему казалось. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, онъ получилъ штатное мѣсто, до котораго многіе по пяти лѣтъ дослуживались. Но денегъ все было мало, — и почти въ каждомъ письмѣ, онъ или проситъ денегъ, завѣряя безпрестанно, что въ послѣдній разъ, или благодаритъ за деньги и пожертвованія. Въ письмѣ отъ 1 сентября 1830 г., между прочимъ, онъ пишетъ сестрѣ, обѣщая пріѣхать въ деревню:

«Тогда ты увидишь не того причудливаго брата, который такъ часто оскорблялъ тебя, но кроткаго, признательнаго, котораго нужды и опытъ переродили совершенно» [2].

Кротость эта, какъ впослѣдствіи будетъ видно, являлась только въ то время, когда до-зарѣзу нужны были деньги; настоящій характеръ началъ рѣзко развиваться по мѣрѣ того, какъ сочиненія его стали приносить ему доходы.

«Мы истребимъ, пишетъ онъ далѣе, — изъ памяти матушки тѣ годы печалей, которыя наносилъ я ея чувствительному сердцу».

---

[1]) Т V, стр. 113. [2]) Id. 122.

«О себѣ скажу, пишетъ онъ, отъ 10 февраля 1830 г.,— что мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше; все поселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами. По крайней мѣрѣ, основаніе положено изъ самаго крѣпкаго камня. Только я васъ теперь сильно потревожу убѣдительной просьбой о присылкѣ двухъ-сотъ пятидесяти рублей» [1]).

Не взирая на почтительный и дружескій тонъ переписки того времени, изрѣдка проскакиваетъ гордость:

«Мнѣ любо, когда не я ищу, а моего ищутъ знакомства».

«Мое оправданіе походитъ нѣсколько на выговоръ» [2]).

Съ полученіемъ, въ теченіе 1831 года, трехъ или четырехъ учительскихъ мѣстъ, тонъ писемъ начинаетъ измѣняться. Во второй половинѣ того же года явились въ свѣтъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», которыя были приняты огромнымъ большинствомъ литераторовъ съ восторгомъ. Посылая матери первый томъ, Гоголь пишетъ, что они понравились всѣмъ, даже Государынѣ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ; явились новые знакомые и средства къ жизни. Тотчасъ же измѣняется тонъ писемъ: изъ почтительныхъ — онѣ становятся грубы, непріятны, почти дерзки, да и

---

[1]) Т. V, стр. 127. [2]) Id. 125.

пишетъ онъ рѣже. Мать проситъ быть акуратнѣе; Гоголь отвѣчалъ какою-то колкостью, и когда она огорчилась, то вмѣсто извиненія, сынъ безцеремонно пишетъ:

«Ради Бога, не будьте такъ мнительны. Еслибы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ и вовсе не серьозно о томъ, что вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ просто было досадно на вашу забывчивость, и чтобы отмстить вамъ и разсердить васъ, я написалъ это» [1]).

Кажется, довольно откровенно.

Въ слѣдующемъ письмѣ, дѣлаетъ онъ матери настоящій выговоръ. На просьбу ея познакомиться съ какимъ-то провинціаломъ-сосѣдомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ, и у котораго бывала его мать, онъ пишетъ ей:

«Вы очень мало знаете приличія, маменька, или, лучше сказать, вы можетъ быть и знаете приличія, но не знаете моихъ отношеній въ свѣтѣ.... [1]) Вы, все еще, кажется, привыкли почитать меня за нищаго, для котораго всякій человѣкъ съ небольшимъ именемъ и знакомствомъ можетъ надѣлать кучу добра. Но прошу васъ не безпокоиться объ этомъ. Путь я имѣю гораздо прямѣе и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ. Добра я ожидаю отъ Бога, именно — быть всегда здоровымъ и видѣть васъ всегда здоровыми. Повѣрьте, маменька, моему слову, что все на свѣтѣ, кромѣ этого, гниль и суета».

---

[1]) Т. V, стр 146. [2]) Id 147.

Въ письмѣ отъ 25 марта 1832 года, пишетъ онъ матери, приславшей ему небольшой подарокъ:

«Я не знаю какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ, а вы налагаете на меня безпрестанно новые. Право, маменька, вы великодушны до безчеловѣчія» [1]).

Въ тоже время присылаетъ на свадьбу сестрѣ пятьсотъ рублей, вырученныхъ отъ продажи «Вечеровъ». Черта хорошая, хотя нѣтъ тутъ ничего особеннаго.

Но характеръ высокомѣрный начинаетъ выказываться:

Мать благодаритъ его за присылку платья и боится неслишкомъ-ли онъ великодушенъ; не посылаетъ-ли сверхъ силъ. Гоголь отвѣчаетъ грубостью:

«Будьте увѣрены, что я не столько глупъ, чтобы посылать вамъ тогда, когда самъ нуждаюсь. Дѣлать это, значитъ — отымать возможность быть полезнымъ вамъ впослѣдствіи» [2]).

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» такъ поправили его дѣла, что онъ могъ, пользуясь вакаціоннымъ временемъ, съѣздить домой, взять на свое попеченіе двухъ сестеръ и отдать ихъ въ институтъ, гдѣ былъ преподавателемъ.

Въ іюлѣ 1832 года выѣхалъ онъ изъ столицы, пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, гдѣ былъ

---

[1]) Т. V, стр. 150. [2]) Id. 155.

принятъ радушно и гдѣ успѣлъ сблизиться съ Погодинымъ, Шевыревымъ, Аксаковымъ, и въ концѣ октября возвратился въ Петербургъ.

Взявшись наблюдать за сестрами, помѣщенными въ институтѣ, Гоголь, ни съ того, ни съ другаго, берется за роль ментора надъ третьею сестрою, оставшеюся дома, и даетъ матери наставленіе, какъ вести дѣло. Наставленія его до того пошлы, что непонятно, зачѣмъ все это напечатано.

«Лучше нѣтъ для дѣвицы воспитанія какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы. Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ. Ввечеру, нельзя-ли вамъ такъ завести, чтобы всѣ сидѣли вмѣстѣ за однимъ столомъ: вы, сестра, Павелъ Осипычъ и она, и каждый занимался бы своимъ.... поручите ей разливать чай.... внушите ей правила религіи; это фундаментъ всего.... Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастью, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ» [1]).

Такъ всегда и во всемъ, о чемъ бы ни сталъ писать матери, непремѣнно кончитъ грубостью.

«Если пріѣдутъ гости, пишетъ онъ далѣе, — заставляйте ее быть неотлучно при гостяхъ. Пусть она говоритъ и вмѣшивается даже въ общій разговоръ, если разговоръ понятенъ для нея. Не то, пусть она приноситъ свои

---

[1]) Т. V, стр. 186.

игрушки, или занимается дѣломъ, шьетъ или работаетъ тутъ же, при гостяхъ....»

И такія пошлости сынъ пишетъ матери, которая воспитала уже двухъ дочерей. Все это похоже на насмѣшку, хотя писано серьозно.

Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ ту непринужденность, которая такъ мила и всегда восхищаетъ насъ. Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ навыкъ и заранѣе пріучится пріятно разсказывать и занимать другихъ своими разговорами».

Но мать не думаетъ слѣдовать совѣтамъ сына, и отдаетъ дочь въ пансіонъ. Гоголь пишетъ:

«Вы очень хорошо дѣлаете, что отдаете Олиньку въ пансіонъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ничего лучше не можно сдѣлать.... Больше всего заставлять ее заниматься рукодѣльемъ и практикой языковъ, музыкой, особенно танцами — это укрѣпляетъ члены....» [1]).

Какъ будто музыка, танцы, укрѣпленіе членовъ, составляютъ главную цѣль воспитанія благородной дѣвицы; какъ будто не нужно прежде думать о нравственномъ, умственномъ или религіозномъ воспитаніи.

Однажды мать сдѣлала ему самый невинный вопросъ насчетъ производства въ слѣдующій чинъ. Этого достаточно ему, чтобъ разразиться слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Вы до сихъ поръ еще не охолодѣли отъ страсти къ чинамъ, и думаете, что я и чинъ долженъ получить выше.

[1]) Т. V, стр. 190.

Ничуть не бывало: Я все тѣмъ же, чѣмъ и былъ: коллежскимъ ассессоромъ — и ничего болѣе».

«Еслибы я имѣлъ какую нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, я вѣрно бы не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобъ пренебречь этимъ. Но мои обстоятельства и мое положеніе таково..... Но мнѣ нельзя этого растолковать вамъ. Мы можемъ не понять другъ друга и будемъ только переводить бумагу. Оставимъ чины. Я васъ люблю, люблю такъ, какъ рѣдкую и примѣрную мать — чего-же вамъ болѣе? Вы, вѣрно, меня любите до такой степени, что пощадите напоминаніемъ о томъ, и въ слѣдующемъ письмѣ, вѣрно, уже не скажете ни слова объ этой статьѣ» [1]).

Съ каждымъ почти письмомъ тонъ его становится рѣзче. Мать завела фабрику, которая пошла дурно и хочетъ перезаложить имѣніе. Сынъ увѣдомляетъ, что уже поздно, и продолжаетъ:

«Я очень постигаю васъ. Я знаю, что ваша вся жизнь была въ заботахъ, что вѣчно должны были бороться съ критическими обстоятельствами. Отъ этого немудрено, что душа ваша ищетъ успокоенія въ мечтѣ, и что вы любите предаваться ей, какъ вѣрному своему другу, и немудрено, что она васъ завлекаетъ иногда. Вамъ нуженъ совѣтникъ, который практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь. Этотъ совѣтникъ вамъ — буду *я* — Почитайте меня за друга, съ которымъ вы должны дѣлить свои мысли, и не сердиться, если этотъ другъ будетъ подавать вамъ совѣты. Если-же вы совѣты станете почитать за строгія наставленія

[1]) Т. V, стр. 227.

и умничанья, вашъ другъ тогда замолчитъ и вы ничего отъ него не услышите» [1]).

Вотъ ужъ кстати пословица: «яйца курицу учатъ». Въ наше время, отецъ, пиша къ взрослому сыну, не употребитъ такихъ рѣзкихъ выраженій. За комплиментомъ матери дѣло у него никогда не стоитъ.

«Хорошо-ли вы сдѣлали, что рѣшились остаться безъ управителя? Не обманываете-ли вы сами себя въ этомъ случаѣ? Вамъ даже при управителѣ было очень трудно управляться; безъ управителя — еще труднѣе. Это естественно. Я опасаюсь за васъ; множество хлопотъ могутъ еще болѣе увеличить вашу разсѣянность и разстроить спокойствіе ваше, для насъ драгоцѣнное» [2]).

Выѣхавъ, въ 1836 году, изъ Петербурга за-границу, продолжаетъ давать матери наставленія, дѣлать ей выговоры.

«Вы къ этому присоединяете туже минуту свою догадку; но ваши догадки (не разсердитесь маменька) всегда были невпопадъ. Вы думаете, что я оттого такъ скоро перемѣняю мѣста, что имѣю недостатокъ въ деньгахъ; между тѣмъ, какъ я въ такомъ случаѣ долженъ бы долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что ѣздить здѣсь несравненно дороже, нежели сидѣть на одномъ мѣстѣ» [3]).

«Какъ бы ни было, но мои дѣла всегда лучше вашихъ, и потому я совѣтую вамъ болѣе обращать вниманія на ваши дѣла» [4]).

---

[1]) Т. V, стр. 239. [2]) Id., стр. 253. [3]) Id., стр. 273. [4]) Id., стр. 283.

Получивъ отъ матери извѣстіе о смерти близкой родственницы, кажется, тетки, утѣшаетъ онъ мать довольно оригинально.

«Частыя потери наконецъ такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. *Истинный христіанинъ радуется о смерти близкаго своему сердцу.* Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его; но онъ утѣшенъ мыслью, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничего *(т. е. ничто)* не смущаетъ его; и въ этомъ-то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть и какое можетъ только внушить одна христіанская религія» [1]).

Такое оригинальное утѣшеніе не всякому по сердцу, да никогда и не употребляется. Одинъ Людовикъ XIV имѣлъ довольно эгоизма, чтобы умирая, сказать своей восьмидесятилѣтней подругѣ, г-жѣ Ментенонъ: «Меня утѣшаетъ мысль, что мы скоро увидимся». Старухѣ это вовсе непонравилось. Знаменитая своимъ тактомъ, она въ первый разъ забыла правила приличія, и, вышедъ въ другую комнату, сказала окружающимъ: «Этотъ человѣкъ всю жизнь думалъ только о себѣ».

Эту безпощадно-грустную философію Гоголь почерпнулъ въ собственномъ своемъ серцѣ, гдѣ, кромѣ гордости и эгоизма, ничего не было.

---

[1]) Т. V, стр. 325.

Вообще ничего нѣтъ лживѣе и натянутѣе его нравственныхъ сентенцій, хотя общія мѣста всѣмъ извѣстны; напримѣръ, совѣты матери — какъ проводить время. Она небогата, имѣетъ большое семейство и съ излишнимъ рвеніемъ заботится о ихъ воспитаніи.

«Желаю вамъ побольше веселиться» [1]).

«Въ Ревель я уже не поѣду. Но впрочемъ, чрезъ четыре мѣсяца, все-таки надѣюсь съ вами видѣться. Ну, развеселитесь же».

Поздравляя, однажды, мать съ днемъ ангела, онъ заключаетъ:

«Желанія не прибавляю: оно, безъ сомнѣнія, извѣстно. Еслибы оно только исполнилось, то вы бы давно не имѣли непріятныхъ заботъ и жили бы смѣясь отъ утра до вечера...»

Какъ будто жизнь матери семейства имѣетъ одну цѣль — смѣяться съ утра до вечера.

«Всегда-ли бываете здоровы. Ради Бога, веселитесь побольше. Это одно и самое вѣрное лекарство отъ всѣхъ болѣзней. А мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу, столько можно найдти удовольствій и веселости, какихъ не представитъ ни одна столица. Нужно только умѣть находить ихъ» [2]).

Въ другомъ письмѣ пишетъ:

«Будьте здоровы, сытно ѣдите, спите покойно и не безпокойтесь ни о чемъ».

---

[1]) Т. V, стр. 192. [2]) Id., стр. 130.

Много говорено и писано о религіозныхъ чувствахъ Гоголя. Мысли его пошлы и для насъ несовсѣмъ понятны. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ онъ матери, давая совѣты о воспитаніи дочери:

«Внушите ей правила религіи. Это фундаментъ всего. Это немного тоже сдѣлаетъ добра, если она будетъ безпрестанно ходить въ церковь. Тамъ для дитяти тоже все непонятно — ни языкъ, ни обряды. Она привыкнетъ на это глядѣть, какъ на комедію» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, Гоголь привязывается къ религіи, чтобъ попасть на любимую тему — возвышенію себя и униженію матери:

«Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе, чтобы воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастью, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе; итакъ, могли-ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ; я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я смотрѣлъ безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь, потому что мнѣ приказывали, или носили меня; но стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ» [2]).

---

[1]) Т. V, стр. 186. [2]) Id.

По случаю неудавшагося кожевеннаго завода, Гоголь пишетъ матери:

«Богу никакъ нельзя приписывать вашихъ неудачъ. Богъ милостивъ, и всякому, кто трудится и съ благоразуміемъ и осмотрительностью принимается за дѣло, онъ всегда оказываетъ всемогущую свою помощь..... Поэтому самому я не вижу даже большой необходимости ѣхать вамъ въ Воронежъ. Я уважаю очень угодниковъ Божьихъ; но молиться Богу все равно, въ какомъ бы мѣстѣ вы ни молились. Онъ вездѣсущъ,—стало быть, онъ вездѣ слышитъ нашу молитву и ему столько молитва нужна, сколько нужны дѣла наши. Впрочемъ, я не настою на томъ, чтобы вы не ѣхали въ Воронежъ, особливо, если позволятъ вамъ ваши финансы» [1]).

Зачѣмъ же Гоголь, обходясь такъ безцеремонно съ матерью и сестрами, оскорбляя ихъ безпрестанно въ письмахъ, жертвовалъ частью пріобрѣтенныхъ трудомъ денегъ для успокоенія ихъ. Отвѣтъ простъ: эта нѣжная мать была о сынѣ чрезвычайно высокаго мнѣнія и распространяла его, что и видно изъ слѣдующаго отрывка:

«Вы слишкомъ предаетесь вашимъ мечтаніямъ. Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простаго человѣка, можетъ быть несовсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ — называть геніемъ!... Итакъ, я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ нибудь» [2]).

---

[1]) Т. V, стр. 219. [2]) Id., 239.

За-границей переписка съ родными не такъ дѣятельна, но попрежнему груба до деспотизма. Дѣлая, едва-ли не въ каждомъ письмѣ, грубости матери, иногда старается онъ оправдать себя; но это большею частью хитрая уловка, чтобы вновь сказать что нибудь непріятное.

«Меня нѣсколько опечалило ваше замѣчаніе, что будто я сдѣлалъ вамъ упрекъ насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Никогда не имѣлъ я никакого права, ни причины упрекать васъ. Вы невинны.... виноваты несчастія, которыя подавили васъ» [1]).

Слѣдуетъ цѣлая страница замѣчаній, подтверждающихъ, что она состарѣлась, что она глупа, плохая хозяйка, сдѣлалась сварливою и т. п. Кончается она такъ:

«Я горевалъ о васъ, видя ваши терзанія, ваши печали при вѣчныхъ неудачахъ».

Почти въ тоже время вздумалъ онъ писать сестрамъ, бывшимъ въ институтѣ, о положеніи ихъ дѣлъ, чѣмъ естественно разогорчилъ ихъ. Оправдывается онъ по своему: [2])

«Вотъ для чего почелъ я долгомъ не скрывать отъ васъ ничего насчетъ нашего разстроеннаго состоянія, какъ сильно любящій васъ братъ — и любящій васъ любовью глубже той, которою обыкновенно любитъ братъ сестру. Я васъ люблю любовью брата, отца и матери вмѣстѣ. Не наружными

---

[1]) Т. V, стр. 361 [2]) Id.. 366.

признаками нѣжности вы измѣряйте мою любовь, — нѣтъ, она погружена вся въ глубинѣ моей души; она блюдетъ и думаетъ надъ вашею будущею судьбою и много бы хотѣла пожертвовать и отдать вамъ, и вѣрно бы сдѣлала для васъ болѣе, еслибы не мое несчастное здоровье. Итакъ, какъ любящій васъ такимъ образомъ братъ, я почелъ долгомъ написать вамъ такое письмо, которое заставило васъ задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны принимать ее: она несетъ вамъ здоровье».

Что пилюля горька — всякій то понимаетъ; но какимъ образомъ можетъ она принести здоровье институткамъ — этого никто не разъяснитъ.

Кажется, что на сестеръ имѣлъ онъ своекорыстные виды, по крайней мѣрѣ, вначалѣ. Взявъ ихъ изъ института, онъ не думалъ ихъ повеселить, какъ то дѣлается обыкновенно — показать имъ свѣтъ, чего такъ жаждутъ институтки.

«Онѣ будутъ покамѣстъ переводить и работать для будущаго Погодинскаго журнала и для *меня*. Я хочу ихъ совершенно пріучить къ трудолюбивой и дѣятельной жизни» [1]).

Понятія у него о сыновнемъ долгѣ совершенно свои особенныя. Взявши сестеръ изъ института, думалъ онъ сначала ѣхать къ матери въ деревню; но вышло иначе, и онъ послалъ ей деньги на проѣздъ:

«Я не буду въ Малороссіи.... но желая исполнить сыновній долгъ, т. е. доставить случай маменькѣ меня ви-

[1]) Т. V, стр. 392.

дѣть, приглашаю ее въ Москву на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь немалый — въ мой любезный Римъ» [1]).

Подумаешь, что это божество, говорящее съ поклонниками, и ради спасенія души, дающее имъ случай облобызать десницу. Кое-когда сдѣлалъ доброе дѣло и уже торопится облечь его въ грубую форму.

Привольная, беззаботная жизнь въ Римѣ — предметъ давнихъ его желаній — не измѣнила тона его писемъ къ семейству:

«Нѣтъ, моя дражайшая маменька, не принимайте моихъ словъ за упреки вамъ. Если я упрекалъ васъ, то упрекалъ за васъ же, за то что вы омрачаете вашъ духъ и смущаете ваши мысли».

Кажется, долгъ сына, друга — развлекать, успокоивать мать, а не упрекать.

Всего для Гоголя важнѣе — держать сестеръ и мать не въ страхѣ Божьемъ, а въ страхѣ братнемъ, — и грубости, которыя дѣлалъ имъ на каждомъ шагу, были средство, коимъ думалъ достичь своей цѣли.

Вотъ что пишетъ онъ старшей сестрѣ, Аннѣ:

«Помни всегда, что нарушить слово, данное мнѣ, будетъ съ твоей стороны такое преступленіе, больше котораго ты не можешь сдѣлать. Но объ этомъ довольно. Я знаю, что ты меня любишь и что для тебя свято мое желанье» [2]).

---

[1]) Т. V, стр. 394. [2]) Id, 400.

Поѣхавъ въ другой разъ за-границу, пишетъ онъ, изъ Рима, сестрѣ длинное письмо, наполненное пошлыми наставленіями о томъ, какую помощь она должна оказывать матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Письма этого, какъ и девять-десятыхъ, напечатанныхъ въ первой части, не стоило бы и помѣщать, еслибъ въ нихъ не проявлялась ярко грубая и деспотическая натура Гоголя.

Сестра писала, что въ деревенской глуши принято не браться за иголку въ праздничные дни. О такой простой вещи, казалось бы, не стоило и говорить. Но Гоголь выводитъ изъ этого пустаго обстоятельства страшную исторію:

«А для чего дается человѣку характеръ? чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовать тому, что велитъ ему благоразуміе и, какъ сказалъ самъ Спаситель — не глядѣть на людей. Люди суетны; нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человѣка, а не обыкновенныхъ людей. И такъ я тебѣ *приказываю* работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу; а если кто нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это не хорошо, — ты не входи не въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо, коротко и твердо: *это желанье моего брата;* я люблю своего брата и потому *всякое малѣйшее его желаніе — для меня законъ*» [1]).

[1]) Т. V, стр. 414.

Ясно, что въ этихъ циническихъ строкахъ заключается ключъ ко всѣмъ семейнымъ отношеніямъ Гоголя. Онъ употреблялъ всѣ усилія, соглашался на денежныя пожертвованія, отказался отъ своей части отцовскаго имѣнія, съ тѣмъ, чтобы родные безпрекословно исполняли его приказанія и гордились тѣмъ.

Наставленія сестрамъ продолжаются въ томъ же тонѣ:

«Помни, что для здоровья нужно безпрестанно быть на воздухѣ. Прогулка еще не такъ полезна, какъ занятіе на воздухѣ, особенно руками. Отъ этого кровь обращается правильнѣй и въ тѣлѣ устанавливается равновѣсіе. Пріучайся копать заступомъ легонькимъ по рыхлой землѣ, чтобъ не очень устать.... Не забывай сама, съ лейкой, до восхожденія солнца и по захожденіи его, ходить къ пруду за водою и поливать. Въ это время можешь прочитать свои утреннія и вечернія молитвы. Богъ какъ-то особенно любитъ молитвы во время труда, и тому особенно успѣвается и удается, кто во всякомъ дѣлѣ ограждаетъ себя крестомъ и говоритъ внутренно: Господи, помоги!.... Гони прочь уныніе, которое есть грѣхъ, и будь весела» [1]).

Тутъ, что слово — то глупость, пошлость, ложь, софизмъ.

На что благородной дѣвушкѣ институтское воспитаніе, коли ей суждено бѣгать съ лейкой за водою изъ пруда, поливать огородъ и копать за-

[1]) Т. V, стр. 442.

ступомъ? И какъ можно молиться Богу, бѣгая съ лейкой за водою? И почему онъ думаетъ, что Богъ любитъ молитву во время труда?

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

«Брось тѣ всѣ занятія, которыя заставляютъ тебя сидѣть на мѣстѣ и въ комнатѣ. Эти занятія — мертвыя. Они еще болѣе способны усилить только скучное расположеніе духа. Замѣни ихъ занятіями живыми. Дѣлая частыя прогулки, постарайся, чтобъ назначить имъ какую нибудь цѣль. Употребляй піеніе воды, но только прежде ходьбы, а не послѣ» [1]).

Согласны, что Присницева метода, гидропатія, весьма дѣйствительный, хотя тяжелый, способъ леченія. Но зачѣмъ же принуждать молодую, совершенно здоровую дѣвушку пить воду натощакъ, да еще до прогулки. Если-же это просто совѣтъ — пить, когда есть жажда, — то стоило ли о томъ писать.

Всѣ эти вспышки, грубости, нравоученія — возразятъ мнѣ — обличаютъ натуру добрую, чувствительную, заботливую, способную на самопожертвованіе. Гоголь, съ тѣхъ поръ какъ разжился, не только отказался отъ своей части наслѣдства и ничего не получалъ изъ дому, напротивъ — помогалъ еще матери и сестрамъ.

---

[1]) Т. V, стр. 477.

Въ этомъ отношеніи, Гоголь самъ проговаривается, беретъ на себя трудъ разочаровать читателей въ немногомъ хорошемъ, въ немъ замѣченномъ.

« А у меня же, какъ вы знаете, — пишетъ онъ одному изъ своихъ пріятелей, — кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. *Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня* » [1]).

Это циническое признаніе подтверждаетъ вполнѣ мнѣніе объ эгоизмѣ Гоголя и отсутствіи въ немъ всякаго чувства.

Время неизмѣнило, а утвердило отношенія его къ матери. Возвысить себя въ мнѣніи родныхъ, помогать имъ, чтобъ имѣть право командовать — было постоянною его заботою. Но любя скрытность и хвастовство, для скорѣйшаго достиженія цѣли, онъ преувеличивалъ доходы отъ продажи сочиненій, и пришелъ въ затрудненіе, когда мать стала чаще и чаще просить у него денегъ. Письмо къ Аксакову раскрываетъ эти обстоятельства.

« Я получилъ отъ матери письмо, сильно меня разстроившее. Она проситъ меня прямо — помочь ей, — въ то время помочь, когда я, вотъ уже полгода, сижу въ Римѣ безъ денегъ, занимая и перебиваясь кое-какъ. Просьба о помощи

---

[1]) Т. V, стр. 499.

меня поразила. Маменька всегда была деликатна въ этомъ отношеніи; она знала, что мнѣ не нужно напоминать объ этомъ.... и потому *я долженъ былъ* почти всегда *увѣрять* ее, что я *не нуждаюсь* и что состояніе мое обезпечено.... Маменька подумала, что я богачъ и могу, безъ всякаго отягощенія себя, сдѣлать ей помощь» [1]).

Выписки наши о семейныхъ дѣлахъ Гоголя довольно уже длинны; ограничимся двумя — тремя отрывками изъ послѣднихъ писемъ.

Чѣмъ болѣе входитъ онъ въ жизнь, тѣмъ разнообразнѣе и хитрѣе уловки его, чтобъ достичь главной цѣли, въ отношеніи къ роднымъ — заставить ихъ постоянно благоговѣть предъ братцемъ и сынкомъ. Иногда прибѣгаетъ онъ къ чувству религіозному.

«Исполните теперь мою просьбу, о которой буду васъ просить: оставьте это письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самаго великаго поста. Но за-то дайте мнѣ слово — во все продолженіе первой недѣли великаго поста (мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго раза. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить...» [2]).

Только Магометъ, Моисей, Самуилъ, говорили такъ своимъ ученикамъ. Іезуиты точно-такъ старались потушить всякую мысль, чтобъ заставить

---

[1]) Т. VI, стр. 5. [2]) Id. стр. 27.

вѣрующихъ прибѣгать, при всякомъ случаѣ, къ нимъ за совѣтомъ. Поздравленія его съ днемъ Свѣтлаго Воскресенія бывали оригинальны и, какъ всегда, грубы:

«Сестрѣ Аннѣ, отъ всей души, желаю преодолѣнія лѣни, сестрѣ Елисаветѣ — терпѣнья и вѣры, сестрѣ Ольгѣ — расторопности и совершеннаго познанія хозяйства, — и всѣмъ побольше занятія и труда» [1]).

Успѣшная распродажа сочиненій давала ему средства болѣе и болѣе помогать роднымъ и, какъ говорится, распекать ихъ въ каждомъ письмѣ, безъ малѣйшей надобности; ясно, что съ этимъ условіемъ посылалъ онъ деньги. Льстя безпрестанно людямъ нужнымъ и милостивцамъ, онъ какъ будто отводилъ душу, изливая горечь на добрыхъ родныхъ. Въ длинномъ письмѣ отъ 16 февраля 1847 г., при посылкѣ денегъ, даетъ Гоголь совѣты о приходѣ и расходѣ ихъ, расточаетъ щедрою рукою выговоры и упреки, сворачиваетъ, ни съ того, ни съ другаго, на религію и кончаетъ такъ:

«Я никогда не думалъ, чтобы вы были такъ мало христіанки. Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько нибудь понимаете сущность христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ

[1]) Т. VI, стр. 61.

землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, — вы, какъ говорится, на попятный дворъ. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предыдущее, еще не получивши отвѣта на прежнія, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ предъ Богомъ» [1]).

Чадолюбивые родители могутъ говорить дѣтямъ, что они отвѣчаютъ за нихъ предъ Богомъ; но съ какой-стати Гоголь взялъ на себя этотъ крестъ въ отношеніи къ сестрамъ? Онъ понесъ его единственно для того, чтобы оскорблять ихъ безпрестанно въ письмахъ, выказывая свое превосходство. Онѣ иногда понимали это и старались оправдываться, что давало поводъ къ новымъ письмамъ и упрекамъ. Но на этотъ разъ онъ крѣпко пересолилъ: отвѣты родныхъ были слишкомъ сильны и заставили его образумиться:

«Простите меня, — пишетъ онъ матери, — я предъ вами виноватъ. Виноватъ также и предъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не замѣчая любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая отовсюду упреки, любя упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ, даже несправедливыхъ, я хотѣлъ прислужиться и вамъ тѣмъ же. Я хотѣлъ попрекнуть васъ, а особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать...»

[1]) Т. VI, стр. 344.

И далѣе:

«Еще разъ прошу прощенья какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя наконецъ эту непріятную и непринадлежащую мнѣ должность...» [1]).

Кто же просилъ Гоголя брать ее?

Какъ бы то ни было, кажется, что дѣйствительно онъ смирился, пересталъ оскорблять родныхъ въ письмахъ, миръ былъ заключенъ; и когда, подъ конецъ жизни, онъ переселился въ Россію и гостилъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ у матери, пріемъ онъ получалъ родственный, по крайней мѣрѣ онъ хвалится радушіемъ женской части своего семейства.

Мизантропія его, впрочемъ, усиливается съ годами. Получивъ извѣстіе, что одна изъ сестеръ выходитъ замужъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, онъ поздравляетъ мать въ безщадныхъ и неприличныхъ выраженіяхъ, и старается лишить сестру надежды въ самую счастливую эпоху ея жизни:

«А къ сестрамъ моя теперь просьба. Если желаютъ, чтобы супружество это было счастливо, то лучше не соста-

[1]) Т. VI, стр. 388.

влять впередъ никакихъ радужныхъ плановъ. Лучше заранѣе подготовлять себя ко всему печальному и рисовать себѣ въ будущемъ всѣ трудности, недостатки, лишенія и нужды; тогда, можетъ быть, супружество и будетъ счастливо» [1])

Спрашиваемъ у всѣхъ читателей, безъ исключенія — то-ли они говорили сестрамъ и дочерямъ при выходѣ ихъ замужъ? Не правда-ли, что они говорили совершенно противное? Отымать у невѣсты всю прелесть надежды, у молодой супруги всѣ мечты о счастіи—это ужасно!! Самъ Мефистофелесъ не давалъ такихъ совѣтовъ. Еслибъ дѣвушка предвидѣла, глядя на милаго, сколько горечи найдетъ она въ обвитой розами чашѣ, которую съ свѣтлой улыбкой подноситъ ей женихъ, едва-ли не оттолкнула бы она его съ ужасомъ.

Какимъ холоднымъ эгоизмомъ должна быть проникнута душа, чтобъ писать нѣжной матери слѣдующее:

«Еще я не понимаю, отъ чего вы такъ заботитесь о пріобрѣтеніяхъ для дѣтей вашихъ въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и невѣрно..... Слава Богу! Богъ самъ пристраиваетъ дѣтей вашихъ: ни я не женился, ни сестры мои не вступили въ бракъ» [2]).

Послѣ всего вышеизложеннаго, выводъ о семейныхъ отношеніяхъ Гоголя не встрѣтитъ, ка-

---

[1]) Т. VI, стр. 532. [2]) Т. V, стр. 521.

жется, противорѣчія, даже со стороны пламенныхъ его почитателей. Не имѣя совершенно сердца, будучи капризенъ, надмененъ, грубъ, ненавидя женщинъ вообще, — онъ прикидывался добрымъ семьяниномъ, съ тѣмъ, чтобы возвышать себя насчетъ родныхъ, что проницательная мать подмѣтила уже на семнадцатомъ году его жизни [1]; хлопоталъ о помѣщеніи сестеръ въ институтъ, отказался отъ своей части имѣнія, помогалъ роднымъ — съ условіемъ, чтобы называли его геніемъ и благовѣстили о томъ повсюду. Льстя постоянно людямъ нужнымъ, вознаграждалъ себя родными, изливая на нихъ желчь, переполнявшую его душу, гдѣ не было мѣста ни одному доброму чувству.

III.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Мы изучили Гоголя, какъ семьянина, не бо̀льшаго уваженія заслуживаетъ онъ, если его разсматривать, какъ человѣка и гражданина.

Во время шестилѣтняго пребыванія Гоголя въ Петербургѣ, болѣе всего поражаетъ совершенное отсутствіе того, что такъ нравится въ молодомъ человѣкѣ: юношескаго жара, рыцарской честности,

---

[1]) См. стран. 12.

благородства, самоотверженія, даже юношескихъ заблужденій. Въ каждомъ письмѣ видѣнъ эгоистъ и лицемѣръ, стремящійся къ успѣху всѣми средствами, въ особенности лестью сильнымъ міра сего; и который, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, безпрестанно протягивалъ руку. Не вѣрилъ черствый малороссіянинъ ничему доброму и великому; и къ нему лучше, чѣмъ ко всякому другому, примѣнить надо стихи Пушкина:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Мизантропія его видна была съ самыхъ молодыхъ лѣтъ; однажды писалъ онъ матери, которая хотѣла продать землю, а крестьянъ оставить.

«Точно ли при томъ вы увѣрены, что люди дѣйствительно добры? Вѣдь имъ самимъ вѣрить нельзя. Этотъ народъ лукавъ; это ничего не значитъ, что они многіе помнятъ васъ измала. Они, пожалуй, будутъ падать въ ноги и при этомъ будутъ самыя бестіи» [1]).

Еще изъ Нѣжинскаго лицея вырывались у восемнадцатилѣтняго мальчика, въ письмѣ къ матери, откровенныя признанія въ родѣ слѣдующихъ:

«Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете. Я нарочно старался у васъ, всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ

[1]) Т. V, стр. 191.

зломъ. Но врядъ-ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнья и проч. Все выносилъ я безъ упрека, безъ роптаній; никто не слыхалъ моихъ жалобъ; я даже всегда хвалилъ виновниковъ своего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто неразгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости, терпѣнья.....» [1]).

Странно слышать отъ юноши, въ письмѣ къ товарищу Максимовичу, слѣдующія слова:

«Скажи Надеждину (редактору журнала) что, это нехорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ книгъ журнала, пока недодастъ старыхъ. Что за рыцарская честность! Теперь она, въ наши времена, также смѣшна, какъ и ханжество....» [2]).

Или подобную философію:

«Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье, и это сбереженіе состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно покойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до-упаду, хотя бываетъ и невсегда весело, и помнить мудрое правило — что все на свѣтѣ трынь-трава и..... Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая» [3]).

---

[1]) Т. V, стр. 71. [2]) Id. 194. [3]) Id. 216.

За-то его теорія жизни гораздо выше Молчалинской. Тому завѣщалъ отецъ—угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья. Гоголь гораздо умнѣе и хитрѣе; онъ угождаетъ только нужнымъ людямъ и не отвлекается, какъ Молчалинъ, волокитствомъ за служанкой. Вотъ что пишетъ онъ матери, едва пріѣхавъ въ Петербургъ.

«Есть выгоды служить, особливо для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь изъ этого пользу, предположившій впереди себѣ мету, ставши на которую онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, сдѣлаться необходимымъ огромной массѣ государственной. Этотъ умъ долженъ имѣть желѣзную волю и терпѣнье, покамѣстъ не достигнетъ своего предназначенія, долженъ не содрогнуться крутой, длинной, почти до безконечности, и скользкой лѣстницы; долженъ не упускать изъ виду малѣйшаго обстоятельства, кажущагося постороннимъ, но способствующаго сколько нибудь къ повышенію его; долженъ отвергнуть желаніе ранняго блеска, даже пренебречь часто восклицаніемъ свѣта: какой прекрасный молодой человѣкъ! какъ онъ милъ, какъ занимателенъ въ обществѣ! Никакое желаніе разсѣянія, забавъ и развлеченій всякаго рода не должно останавливать его; онъ можетъ казаться занимающимся ими, но не на самомъ дѣлѣ» [1]).

Мнѣ возразятъ, что теорія Гоголя не есть его собственная, что въ Петербургѣ всѣ, болѣе или менѣе, такъ думаютъ. Не спорю; но дѣло въ

[1]) Т. V, стр. 113.

томъ, что провинціалъ нашъ, отдавъ долгъ юношескому увлеченію Любекскою поѣздкою, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, усвоилъ совершенно Петербургскую теорію и съ рѣдкимъ постоянствомъ руководился ею всю жизнь.

Честолюбіе и жажда извѣстности влекли его въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ столицу двадцати лѣтнимъ юношею, довольно плохо учившимся, безъ денегъ и связей,—не зналъ сначала куда пріютиться, занялся исканіемъ мѣста, думалъ идти въ актеры,— но это неудалось. Имѣя товарищей и нашедши покровителя, при помощи его, досталъ онъ рекомендательное письмо къ Жуковскому, который тогда состоялъ наставникомъ при благополучно нынѣ царствующемъ Государѣ. Жуковскій такъ сильно заинтересовался имъ, что сдалъ молодаго человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ, и выпросилъ въ этомъ заведеніи для Гоголя мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ занялъ съ марта 1831 года; чтобъ доставить ему болѣе средствъ къ жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома А. В. Васильчикова и П. Н. Балабина, къ которымъ Гоголь до конца жизни сохранялъ дружескія чувства. Около того

же времени познакомился онъ съ Пушкинымъ. Оба поэта, Жуковскій и Пушкинъ, полюбили его, постоянно покровительствовали, и имъ обязанъ онъ первоначальными успѣхами въ службѣ и въ литературѣ. Съ помощью ихъ, получилъ онъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Обманываясь въ своемъ призваньи, онъ учился серьозно и, кажется, имѣлъ въ виду цѣль — сдѣлаться ученымъ, хорошимъ профессоромъ, именно — историкомъ. Но природа, сотворивъ его сатирикомъ, безпощаднымъ наблюдателемъ смѣшной стороны человѣчества, отказала ему во всѣхъ качествахъ историка. Лекціи его были неудачны, сухи и скучны; ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную. — Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и слушателямъ. Бывало, — говоритъ одинъ изъ его слушателей, — пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ и непоказывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять таже исторія.

Когда же, въ концѣ 1835 года, вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ вы-

держать испытаніе на степень доктора философіи, еслибы желалъ занять профессорскую должность, — онъ, чувствуя, вѣроятно, что ему это невмоготу, предпочелъ оставить государственную службу [1]).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ знакомыхъ, — продолжаетъ біографъ Гоголя, — тогда же утверждали, что онъ обязанъ своими успѣхами по службѣ и въ жизни не однѣмъ дѣйствительнымъ заслугамъ своимъ; что онъ, при всѣхъ высокихъ свойствахъ души, не былъ чуждъ ни мелочности характера, ни даже хитрости, когда нужно было достигнуть какихъ нибудь матеріальныхъ результатовъ; что онъ въ своихъ ученыхъ статьяхъ прикидывался ревностнымъ жрецомъ науки, которымъ никогда не былъ; дѣлалъ вездѣ, гдѣ могъ, намеки на свои глубокія познанія въ исторіи, которыхъ никогда не имѣлъ; наконецъ, что онъ заставлялъ говорить въ свою пользу такихъ людей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и съ помощью ихъ получилъ мѣсто въ университетѣ.

Не такого мнѣнія былъ самъ Гоголь о своихъ профессорскихъ заслугахъ; самолюбіе его было страшно уязвлено, и онъ горько жалуется въ письмахъ къ Погодину.

---

[1]) Опытъ Біографіи Гоголя, Николая М., стр. 55.

«Знаешь-ли, что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ, въ здѣшнемъ, университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того я рѣшительно бросаю всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей..... Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ.» [1])

И далѣе:

«Я разстался съ университетомъ — и чрезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный, я взошелъ на каѳедру, и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души; уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня.... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего» [2]).

Испытавъ неудачи на поприщѣ государственномъ и профессорскомъ, бросивъ замышляемыя въ то время Исторію Малороссіи и Исторію Среднихъ Вѣковъ, каждую въ шести или восьми томахъ, не успѣвъ попасть въ актеры, — обратился онъ, наконецъ, къ настоящему своему призванію —

---

[1]) Т. V, стр. 228. [2]) Id., стр. 247.

литературѣ. Жуковскій и Пушкинъ его полюбили, и были первоначальными покровителями. Пушкину онъ читалъ въ рукописи свои сочиненія; Жуковскій любилъ его какъ единороднаго, избалованнаго сына. Связь Пушкина съ Гоголемъ была такъ тѣсна, что авторъ записокъ о жизни Н. В. Гоголя выражается о нихъ такъ:

«Это были наши Гёте и Шиллеръ, наши Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Оба поэта сильно подѣйствовали одинъ на другаго; но существованіе Пушкина было несравненно важнѣе для его младшаго брата» [1]).

Считая преступленіемъ предъ дѣвственными музами уподобленіе или, даже, сближеніе имени Гоголя съ именемъ Пушкина, замѣтимъ, что хитрый хохолъ быстро втерся въ ихъ довѣріе; гостилъ у нихъ часто, лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ; почти каждый вечеръ видѣлся съ ними, и даже письма отъ родныхъ адресованы были на имя Пушкина.

Съ помощью такихъ сильныхъ покровителей, быстро распространилъ онъ кругъ своего знакомства, и будучи, несмотря на молодость, необыкновеннымъ мастеромъ въ искусствѣ заискивать, въ короткое время сблизился съ нужными для него людьми. Само-собою разумѣется, началъ онъ съ кружка Жуковскаго и Пушкина. Литераторы

---

[1]) Опытъ Біографіи Гоголя, стр. 47.

тридцатыхъ годовъ раздѣлены были на двѣ большія партіи: Гречь, Булгаринъ, Сеньковскій, издавая «Библіотеку для Чтенія» и «Энциклопедическій Лексиконъ», были дружны; къ нимъ присталъ Полевой, по переселеніи изъ Москвы. Противная партія, состоявшая изъ молодыхъ литераторовъ, имѣла въ главѣ Пушкина, основавшаго «Современникъ», для противодѣйствія «Библіотекѣ». Гоголь присталъ къ этой партіи, сблизился со всѣми пріятелями Жуковскаго и Пушкина — Плетневымъ, Дельвигомъ, Языковымъ, Одоевскимъ — заискалъ у графа Віельгорскаго, князя Вяземскаго, министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова.

Умѣлъ онъ также сойдтиться и съ редакторами Московскихъ журналовъ — Погодинымъ, Шевыревымъ, Надеждинымъ, — съ книгопродавцемъ Смирдинымъ, который, до своего банкротства, щедро платилъ обѣимъ сторонамъ, и съ Щепкинымъ, который съ такимъ совершенствомъ игралъ *Городничаго.*

Нашедъ сильныхъ покровителей и преданныхъ друзей, Гоголь крѣпко ихъ держался; умѣлъ — и въ этомъ былъ онъ сущій геній — заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу; требовалъ отъ нихъ безпрестанныхъ услугъ, — а самъ для нихъ ничего не дѣлалъ. Лесть, личина усердія, лакейскія за-

машки — были главными орудіями, кои онъ употреблялъ, чтобъ сѣдлать нужныхъ ему людей.

«Боже, — пишетъ онъ Погодину, редактору «Москвитянина», — благослови тебя во всѣхъ предпріятіяхъ и предоставь наконецъ тебѣ поле широкое, великое, безъ препятствій. Ты рожденъ и опредѣленъ на великое плаванье» [1]).

Въ другой разъ, по поводу замышляемаго имъ журнала, говоритъ онъ ему съ видомъ самаго непритворнаго участія:

«Нѣтъ, это будетъ лежать на моей совѣсти. Я буду просить тебя, на колѣняхъ, буду валяться у ногъ твоихъ. Жизнь и душа моя, ты знаешь, что ты мнѣ дорогъ, что ты моя жизнь точно. Не будетъ, клянусь не будетъ, никакого успѣха въ твоемъ дѣлѣ. И я невынесу, видя твои неудачи, — и это заранѣе отравитъ мое пребываніе въ Москвѣ..... отдайся мнѣ» [2]).

Плетневу, редактору «Современника», пишетъ онъ, будто идеальная дѣва къ своему возлюбленному:

«Пишу къ вамъ, потому что я васъ видѣлъ третьяго дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть покоенъ, до тѣхъ поръ, пока не услышу что нибудь о васъ..... Послѣ видѣннаго мною сна, я не могу успокоитъся о васъ» [3]).

Заискивая такою лестью у пріятелей, умѣлъ онъ искусно доброе ихъ расположеніе направить

---

[1]) Т. V, стр. 420. [2]) Id. 391. [3]) Id. 422.

на восхваленіе свое въ издаваемыхъ ими журналахъ.

«Посылаю тебѣ всякую всячину, — пишетъ онъ Погодину, — «Арабески», погладь ее и потрепли. Въ ней очень много есть дѣтскаго, и я поскорѣе старался выбросить въ свѣтъ, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, выбросить изъ конторки все старое и, отряхнувшись, начать новую жизнь. Изъяви свое мнѣніе объ историческихъ статьяхъ въ какомъ нибудь журналѣ..... Твое слово мнѣ поможетъ, потому что у меня завелись какіе-то ученые непріятели» [1]).

И въ другой разъ:

«Да пожалуйста напечатай въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе объ «Арабескахъ». Сдѣлай милость, въ такихъ словахъ: что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный (NB. До сихъ поръ гроша барыша не получено» [2]).

Умѣлъ онъ, для достиженія цѣли, ловко дѣйствовать и чрезъ недоброжелателей. Булгаринъ былъ ему врагъ неумолимый, безпощадно и постоянно преслѣдовавшій его въ «Пчелѣ». Тѣмъ неменѣе умѣетъ Гоголь и изъ него извлекать пользу.

«Кстати обо мнѣ, — пишетъ онъ своему земляку Максимовичу, — знаешь-ли что, представленія Булгарина чуть ли небольше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ. Это я узналъ вѣрно. Слушай, сослужи службу. Когда будешь писать къ Булгарину, намекни ему обо мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали,

[1]) Т. V, стр. 231. [2]) Id. 238.

еслибъ залучили въ университетъ Гоголя; что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь» [1]).

Щепкинъ, игравшій главныя роли въ его комедіяхъ, былъ для него совершенно необходимъ, и онъ не упускалъ случая ему льстить.

Ветерану нашей комедіи случилось написать, что онъ старѣется. Гоголь отвѣчаетъ:

«Вы напрасно говорите, что старѣетесь; вашъ талантъ не такого рода, чтобъ старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жара, котораго у васъ было слишкомъ много, и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ есть теперь то высокое спокойствіе, котораго прежде не было, тогда какъ прежде, вы все еще какъ-то мѣшались.

Если вы этого неслышите и незамѣчаете сами, то повѣрьте же сколько нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько нибудь въ этомъ толкъ» [2]).

Но еслибы стали мы выписывать всѣ мѣста, гдѣ ловкою лестью умѣлъ онъ заискивать расположеніе у людей, бывшихъ въ случаѣ — употребимъ это выраженіе Екатерининскихъ временъ — то пришлось бы перепечатать треть его писемъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

---

[1]) Опытъ Николая М., стр. 67. Т. V, стр. 206. [2]) Id. стр. 506.

Перечитывая письма, писанныя во время шестилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, невидишь нигдѣ, за исключеніемъ поѣздки въ Любекъ, юноши совсѣми обаяніями и недостатками этого возраста, увлеченнаго любовью или хоть волокитствомъ, свѣтомъ, столичными удовольствіями, хоть картами, что такъ нерѣдко на Руси. Не проглядываетъ нигдѣ патріотъ, гражданинъ, семьянинъ или философъ.

Вездѣ — холодная, лакейская личность литератора, думающаго единственно о достиженіи цѣли съ наименьшими пожертвованіями, умѣющаго льстить милостивцамъ съ искусствомъ посѣдѣвшаго царедворца, и, подъ личиною смиренія, ловко хвалить себя.

И—скажемъ съ глубокою грустью — съ его точки зрѣнія, въ его время онъ, былъ правъ. Успѣхъ увѣнчалъ его продѣлки необыкновенно скоро. Старые писатели — Гречь, Полевой, Сеньковскій, дулись, но почти всегда молчали; изъ ветерановъ—литераторовъ одинъ Булгаринъ неумолимо его преслѣдовалъ въ фельетонахъ «Пчелы»; Жуковскій полюбилъ его какъ роднаго, балованнаго сына. Другіе журналисты, наперекоръ Булгарину, немилосердно ему кадили. Молодое поколѣніе увлеклось этими похвалами и стало не читать, а учить наизустъ его творенія. Смирдинъ,

настоящая дойная корова того времени, платилъ огромныя деньги за его повѣсти. Слава еще болѣе возрасла съ появленіемъ «Ревизора», успѣхъ коего былъ громадный. Разрѣшеніемъ играть эту комедію обязанъ онъ, какъ извѣстно, Жуковскому.

«Еслибъ не великое заступничество Государя, — пишетъ онъ матери, — піеса моя ни за что не была бы на сценѣ.... Воображаю, чтобы было бы, еслибы я взялъ что нибудь изъ Петербургской жизни, которая мнѣ теперь больше и лучше знакома, чѣмъ провинція» [1]).

Но онъ имѣлъ слишкомъ много такту, чтобъ написать что нибудь могущее повредить ему въ мнѣніи правительства. Вообще, несмотря на молодость, онъ былъ чрезвычайно остороженъ и въ тѣсномъ кругу, и дружеской перепискѣ; подшучивая иногда надъ Булгаринымъ, Сеньковскимъ и Полевымъ, никогда невступалъ съ ними въ открытую борьбу. Успѣхъ «Ревизора» сблизилъ его съ Щепкинымъ.

«Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва-ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ просходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ «Ревизора». Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ непріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о ней» [2]).

[1]) Т. V, стр. 254. [2]) Id., 256.

Это письмо, приведенное въ извлеченіи, есть такая же ложь, какъ и большая часть его писемъ. Лицемѣріе проглядываетъ въ каждой строчкѣ. Театръ вовсе ему не надоѣлъ; напротивъ — онъ хлопочетъ изо всей силы о постановкѣ «Ревизора» въ Москвѣ, входитъ въ послѣднія мелочи, указываетъ какого цвѣта быть фракамъ Добчинскаго и Бобчинскаго, имѣть имъ маленькое острое брюшко; даетъ, даже самому Щепкину, совѣты какъ играть и проч. Во-вторыхъ, Гоголь вовсе не лѣнтяй; напротивъ — чрезвычайно дѣятельный человѣкъ, когда дѣло касается его личныхъ интересовъ; а все, что онъ не дѣлалъ, все дѣлалъ изъ личнаго интереса. Лѣнивымъ онъ прикидывается, когда нужно дѣйствовать не для себя: одолжить пріятеля, напримѣръ, дать ему свою статью въ журналъ; отдѣлываясь лестью и увѣреніями въ усердіи, онъ чрезвычайно ловко увертывается отъ ихъ просьбъ. Погодина угощаетъ однимъ «Носомъ», самою отвратительною и бездарною повѣстью, когда либо изданною въ свѣтъ; Плетневу, для «Современника» посылаетъ «Портретъ», уже гдѣ-то напечатанный. Другихъ онъ оставляетъ просто въ дуракахъ. Аксакову, который пристаетъ, чтобы онъ далъ что нибудь для Погодинскаго журнала, отвѣчаетъ съ такимъ совершеннымъ

лицемѣріемъ, что поставилъ бы въ-тупикъ любаго іезуита:

«Боже! еслибы вы знали какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе..... Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святаго своего труда (Мертвыхъ Душъ) для меня уже бѣда..... Еслибы я имѣлъ деньги, сколько бы у меня ихъ не было, клянусь, я отдалъ бы всѣ деньги, вмѣсто отдачи своей статьи..... Нѣтъ, клянусь — грѣхъ, тяжкій грѣхъ, отвлекать меня.... Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; а для презрѣннаго ли журнальнаго, пошлаго занятія ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершить непрощаемыя преступленія? и что поможетъ журналу моя статья..... Обнимите Погодина и скажите, что я плачу, что не могу быть полезенъ ему со стороны журнала; но что если у него бьется русское чувство любви къ отечеству, онъ долженъ требовать, чтобы я не давалъ ему ничего» [1]).

Пріятель его и землякъ, Максимовичъ, проситъ повѣсти для напечатанія въ издаваемомъ имъ альманахѣ «Денница». Гоголь ловко отдѣлывается:

«Я чертовски досадую на себя за-то, что ничего не имѣю, чтобы прислать вамъ въ вашу «Денницу». У меня есть сто разныхъ началъ — и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха....

Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну старинную мою повѣсть («Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»), о которой я совсѣмъ было забылъ и

[1]) Т. V, стр. 437.

которую стыжусь даже назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ негодится въ вашъ альманахъ» [1]).

Среди этого ложнаго смиренія, самохвальства, лицемѣрія и откровенности, читатель угадываетъ одно, что Погодинъ, Аксаковъ, Максимовичъ, ничего не даютъ за статьи; а Смирдинъ платилъ большія деньги.

Максимовичъ нѣсколько разъ приставалъ съ подобными просьбами; но Гоголь, всякій разъ и чрезвычайно ловко, вывертывался.

«О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибудь свою лѣнь, которая уже почула лѣто и становится деспотомъ» [2]).

Погодинъ, желая сдѣлать ему пріятное, хлопоталъ о выборѣ его въ члены Общества русскаго слова, коего былъ секретаремъ. Гоголь благодаритъ его сквозь зубы и продолжаетъ:

«Но увы, вы избрали самаго негоднаго члена, который даже не можетъ ничего прислать имъ, по своей лѣности и во снѣ время-препровожденію. Я хотѣлъ было, однакожъ, прислать вамъ кое-что; но болѣзнь, которая приколотила меня было къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность.

Скажи Надеждину, что эта же самая причина помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи. Она

---

[1]) Т. V, стр. 188. [2]) Id. 214.

у меня въ такомъ забытьи и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ ней» [1]).

Наконецъ обѣщаетъ онъ дать Московскимъ пріятелямъ повѣсть, но неранѣе какъ для 3-го № замышляемаго журнала, — и послалъ имъ знаменитый «Носъ». Но какъ журналъ несостоялся, то онъ проситъ «Носъ» скорѣй назадъ. Дѣло замѣшкалось, и онъ въ страшной ажитаціи и пишетъ въ другой разъ:

«Самъ чортъ развѣ знаетъ, что дѣлается съ «Носомъ». Я его послалъ какъ слѣдуетъ, зашитаго въ клеенку, съ адресомъ — въ Московскій университетъ. Я не могу и подумать, чтобы онъ могъ пропасть какъ нибудь. У насъ единственная исправная вещь — почтамтъ. Если и онъ начнетъ заводить плутни, то я не знаю, что и дѣлать. Пожалуйста потормоши тамошняго почтмейстера. Не запряталъ-ли, по причинѣ миніатюрности, между тучными посылками» [2]).

Однимъ словомъ, какъ только доходило до того, чтобъ одолжить пріятеля, хитрецъ прикидывался или больнымъ, или занятымъ, или сворачивалъ вину на жаръ, лѣнь, пыль.

---

[1]) Т. V, стр. 202. [2]) Id. стр. 240.

IV.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ЗА-ГРАНИЦУ.

Несмотря на безпримѣрные почти литературные успѣхи, Гоголь вдругъ возненавидѣлъ Петербургъ и уѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ, сдѣлавъ за все это время двѣ кратковременныя поѣздки въ Россію: разъ, чтобъ взять сестеръ изъ института; другой разъ, для изданія «Мертвыхъ Душъ». До сихъ поръ нельзя сказать ничего положительнаго о главной причинѣ его добровольнаго изгнанія. Позднѣйшіе біографы пополнятъ этотъ пробѣлъ.

Послушаемъ сначала его самого.

«Ѣду за-границу: тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники; писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ.... Я не отъ того ѣду за-границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьи, разсѣяться, развлечься; а потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе.... Лѣто пробуду на водахъ, августъ мѣсяцъ — на Рейнѣ, осень — въ Швейцаріи; уединюсь и займусь» [1]).

---

[1]) Т. V, стр. 255.

И въ другихъ письмахъ:

«Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ жалкомъ еще состояніи находится у насъ писатель. . . . . Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; чтоже сказала бы столица, еслибы выведены были, хотя слегка, ея собственные нравы? Москва больше расположена ко мнѣ; — но отъ чего? Не отъ того ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня; что, наконецъ . . . . но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. . . . . » [1]).

Чрезъ десять лѣтъ вспоминаетъ онъ о своемъ отъѣздѣ и оставляетъ насъ въ томъ же недоумѣніи:

«Я никогда не имѣлъ влеченья и страсти къ чужимъ краямъ. Я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній...» [2]).

«Три дня я только пробылъ въ чужихъ краяхъ (вспоминая о своей Любекской поѣздкѣ, продолжавшейся не три дня, а пять недѣль), и поспѣшилъ возвратиться на томъ же пароходѣ» [3]).

«Съ тѣхъ поръ, я далъ себѣ слово не питать и мысли о чужихъ краяхъ — и точно, вовсе время моего пребыванія въ Петербургѣ, въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ, не при-

---

[1]) Т. V, стр. 260. [2]) Т. III, стр. 512. [3]) Id., стр 513.

ходили мнѣ на мысль никогда чужіе краи; покамѣстъ обстоятельства моего здоровья, нѣкоторыя огорченія и, наконецъ, потребность большаго уединенія незаставили меня оставить Россію».

«Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя, я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мною были поставлены. . . Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную — я бросилъ все.... чтобы вдали и въ уединеньи отъ всѣхъ обсудить какъ это сдѣлать» [1]).

Не могла его увлечь любознательность; онъ вовсе не былъ приготовленъ къ такому путешествію, не зная ни одного иностраннаго языка. Итальянскому онъ выучился впослѣдствіи, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Римѣ. Да ни въ одномъ письмѣ незамѣтенъ туристъ или путешественникъ, изучающій любопытный для него Западъ.

Всюду проглядываетъ его холодная личность, вездѣ старается онъ знакомиться и сближаться съ тѣми русскими, которые могли быть ему полезны или могли служить посредниками между туристомъ и столичными его друзьями. Болѣзнь тоже не могла быть поводомъ къ переселенію.

---

[1]) Т III, стр. 502.

Впослѣдствіи онъ былъ боленъ и лечился долго на разныхъ водахъ. Но вначалѣ не забота о выздоровленіи влекла его за-границу. Письмамъ, наполненнымъ подробностями о болѣзни, не вполнѣ надо вѣрить. Не такъ былъ онъ боленъ, какъ прикидывался, чтобъ надувать честной народъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ изъ Рима, Пановъ, одинъ изъ его почитателей:

«Пріѣхавши сюда, онъ ужъ казалось ничѣмъ болѣе не былъ занятъ, какъ только своимъ желудкомъ, поправленіемъ своего здоровья; а между тѣмъ, никто изъ насъ не могъ съѣсть столько макаронъ, сколько онъ ихъ отпускалъ иной разъ....» [1]).

Быстрое рѣшеніе Гоголя ѣхать за-границу тѣмъ загадочнѣе, что въ первое время у него было мало средствъ; онъ постоянно нуждался, и съ отъѣздомъ изъ Россіи вступилъ въ новый фазисъ своего существованія — началъ играть роль нищаго, которая была совершенно въ его лакейской натурѣ.

Получивъ, чрезъ посредство Жуковскаго, 5,000 ассиг. отъ щедротъ Государя Императора Николая Павловича, сѣлъ герой нашъ, въ іюнѣ 1836 года, на пароходъ и отплылъ въ Гамбургъ, а

[1]) Т. V, стр. 425.

оттуда, чрезъ Германію и Швейцарію, въ Парижъ, гдѣ и провелъ зиму. Съ 5,000 разъѣзжать такимъ образомъ долго нельзя; а какъ нѣжная мать, вѣроятно, не была извѣщена о пяти тысячахъ, то она въ одномъ изъ своихъ писемъ слегка о томъ намекнула. Такой невинный вопросъ даетъ Гоголю поводъ стать на ходули и отвѣчать ей, по обыкновенію, грубо и хвастливо:

« Еще не выѣзжая изъ Петербурга, я уже такъ устроилъ дѣла, что въ какомъ городѣ бы я ни былъ, банкиръ, живущій въ немъ, по первому моему востребованію, выдастъ мнѣ сумму, какую я захочу; кромѣ того, одно слово написанное въ Петербургъ, который у меня подъ-рукою, достаточно, чтобы мнѣ выслали сумму, мною требованную . . . . Но еслибы я даже и ничего этого заблаговременно неустроилъ, то явившись къ нашему посланнику, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и государствѣ, я бы могъ всегда занять, сколько мнѣ хотѣлось. Итакъ, вы видите, что обо мнѣ нечего вамъ безпокоиться» [1]).

Эти надменныя и грубыя строки были чистѣйшимъ хвастовствомъ. Первые шесть или восемь лѣтъ пребыванія за-границей, Гоголь постоянно нуждался и безпрестанно у всѣхъ выпрашивалъ деньги. Въ Римѣ онъ получилъ 1,500 р., которые занялъ для него Прокоповичъ.

4,000 р. досталъ для него, въ Москвѣ, Жуковскій, для второй поѣздки за-границу.

---

[1]) Т. V, стр. 283.

500, а въ другой разъ 2,000, прислалъ ему Погодинъ, который, по выраженію Гоголя: «не знаю какимъ образомъ пронюхалъ», что пріятель его въ нуждѣ.

1,000 занялъ онъ у Панова и неизвѣстно сколько у Языкова.

2,000 у Г-жи N. F.

Во время пребыванія Императорской Фамиліи за-границею, выпросилъ для него Жуковскій 3,000 руб. сер. у Государя и 1,000 франковъ у Императрицы.

Кромѣ того, занималъ онъ постоянно у Аксаковыхъ; но невидно, взялъ ли онъ у П., который нѣсколько разъ предлагалъ.

Къ Аксакову пишетъ онъ откровенно:

«У меня почти дыбомъ волосъ, когда вспомню, въ какіе вошелъ я долги» [1])

И въ другомъ письмѣ:

«Хорошо, еслибъ «Ревизоръ» выручилъ прежде должные вамъ, а потомъ тысячу, взятую у Панова».

Во время второй поѣздки въ Россію, въ 1842 году, сознается онъ, что живетъ въ долгъ, занимая у всякаго туриста.

«Узнайте, — пишетъ онъ Плетневу, — что дѣлаютъ экземпляры «Мертвыхъ Душъ», назначенные мною къ представленью и оставленные мною для этого у графа Віель-

[1]) Т. V, стр. 427.

горскаго. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу въ совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя за продажу книгъ деньги идутъ на уплату долговъ моихъ.....»

Но вслѣдъ затѣмъ проситъ небезпокоить Віельгорскаго, ибо онъ уже занялъ. Однимъ словомъ, за-границей является онъ въ настоящемъ своемъ видѣ: нищимъ лакеемъ, попрошайкою Хлестаковымъ, занимая деньги у всякаго, кто попадется.

Иногда онъ какъ будто совѣстится съ друзьями и пытается отдать, но съ такимъ ложнымъ смиреньемъ, что тѣ, полагая его въ крайности, церемонятся и не берутъ денегъ.

Напримѣръ, по пріѣздѣ въ 1840 г. въ Римъ, пишетъ онъ Погодину:

«Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый, свѣжій, на трудъ, на работу. Теперь, Боже! сколько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями..... Когда я ихъ выплачу? А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже, я небоюсь малаго срока жизни. Надѣяться-ли мнѣ на мѣсто при Г. Г..... Но Богъ съ нимъ совсѣмъ этимъ! я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ?

На квартиру да на лекарство развѣ? на двѣ вещи, равныя ничтожностью и безполезностью....» [1])

Дѣйствительно, оскомину набьешь, говоритъ лиса, уходя отъ спѣлаго винограда, котораго не можетъ достать. Разгадкою мрачнаго настроенія, въ какомъ писано это письмо, служитъ то, что мѣсто при Г.Г., въ Римѣ, конференцъ-секретаря при предполагаемой тамъ Академіи художествъ, съ 1,000 р. с. жалованья, котораго давно искалъ Гоголь, неудалось; еще впрочемъ дѣло тянулось долго.

Въ высшей степени замѣчательно письмо его къ министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, съ просьбой о вспомоществованіи. Тутъ смѣсь откровенности, самолюбія въ высочайшей степени, высокаго о себѣ мнѣнія и лести меценату. Искусно доказываетъ нищій вельможѣ, что давать ему — есть долгъ министра, принадлежность званія.

«Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ сколько могъ свои болѣзненные недуги — въ надеждѣ, что когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники приклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ. И между тѣмъ, никто не хочетъ взглянуть на мое

[1]) Т. V, стр. 420.

положеніе; никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что, такимъ образомъ, я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы откажите мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? Подумайте. Я не предпринимаю дерзости просить вспомоществованія и милости; я прошу *правосудія*; я своего прошу. Почему знать? можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства, и ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — скажетъ въ тоже время, что вы были равнодушны къ созданіямъ русскаго слова и нетронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, не могшаго найдти угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ? Нѣтъ, вы не сдѣлаетеэ того, вы будете великодушны; у русскаго вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ на сіе письмо, излившееся прямо изъ глубины сердца» [1]).

Просьба его уважена, и ему пожаловали три тысячи рублей серебромъ.

Чрезвычайно жаль, что письмо напечатано не въ цѣлости. Мы узнали бы тогда Гоголя еще лучше. Но изъ этого отрывка замѣтны его успѣхи въ профессіи нищаго; онъ требуетъ подаянія, какъ

---

[1]) Т. V, стр 459.

должнаго ему по праву. Скоро будетъ брать насильно; почти всѣ разбойники начинали съ того, что были нищими. Но смирная натура Гоголя не могла довести его до такой крайности, и онъ бралъ насильно, подъ видомъ шутки. Однажды, во Франкфуртѣ, пришелъ онъ въ кабинетъ Жуковскаго, и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотою цѣпочкою, висѣвшіе на стѣнѣ. Чьи это часы? спросилъ онъ. Мои, отвѣчалъ Жуковскій. Ахъ! часы Жуковскаго, никогда съ ними неразстанусь. Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею и положилъ часы въ карманъ [1]).

Замѣчательно письмо къ Погодину, отъ 30 марта 1837 года, изъ Рима:

«Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому.... И я ли послѣ этого могу нелюбить своей отчизны? Но ѣхать выносить надменную гордость..... людей, которые будутъ предо мною дуться и даже мнѣ пакостить — нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ *нищенски протянуть руку*, если дойдетъ до этого дѣло, но въ своей — никогда.... Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, а упираться мнѣ только на якорь гордости,

[1]) Опытъ Біографіи, Гоголя Николая М., стр. 124.

которую вселили въ грудь мою высшія силы, — сложить мнѣ голову свою на родинѣ» [1]).

Хотя прилежное изученіе писемъ Гоголя, изъ коихъ многія не назначались для печати, дало намъ ключъ къ его характеру, — но признаемся, въ этомъ письмѣ, кое-чего не понимаемъ. Неужели гордость на родинѣ и въ чужбинѣ — два понятія совершенно разныя? Почему человѣку, готовому нищенски протянуть руку въ Римѣ, не подъ-силу сносить надменный пріемъ въ Петербургѣ?

Мы объясняемъ такое противорѣчіе слѣдующимъ образомъ. Въ Россіи онъ разыгрывалъ роль апостола, ему нужно было предъ толпою казаться гордымъ, повелительнымъ, совершеннымъ; и потому не приходилось сносить уничиженіе. За-границей же, — а тогда за-границу не всякій попадалъ, кто хотѣлъ, а только избранные, — онъ могъ предъ милостивцами отправлять свойственную ему роль лакея и нищаго, скрывая подлости отъ Бѣлинскаго, Шевырева и прочихъ обожателей, жившихъ въ Россіи. Если объясненіе этого психологическаго противорѣчія покажется натянутымъ, пусть вспомнятъ читатели, что Гоголь былъ человѣкъ необыкновенно скрытный и хитрый. Чѣмъ болѣе живетъ онъ за-границей, тѣмъ болѣе нравится

[1]) Т. V, стр. 289.

ему профессія нищаго,—и въ письмахъ къ живописцу Иванову, Г-жѣ N. F. и Аксакову, онъ развиваетъ теорію нищенства.

«Кто слишкомъ занятъ трудомъ своимъ (дѣло идетъ о знаменитой картинѣ «Крещеніе»), того не можетъ смутить мысль о деньгахъ. Онъ займетъ безъ церемоніи у перваго попавшагося пріятеля.

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей» [1])

«Напишите, что̀ вы предприняли по поводу денежныхъ обстоятельствъ. Мой совѣтъ: несмущаться, брать отвсюду въ займы на время. Послѣ всё отдадите..... а я вамъ помогу потомъ совѣтомъ, какимъ образомъ это сдѣлать. Письмо это держите про себя и никому непоказывайте....» [2]).

У г-жи N. F. беретъ онъ ради Христа, по обыкновенію нищихъ.

«Покамѣстъ скажу *вамъ* на одинъ пунктъ *вашего* письма, именно о деньгахъ. Скажу *вамъ*, что мнѣ крайне тяжело брать *у васъ*. Я просилъ *у васъ* основываясь *на вашихъ* словахъ, что *у васъ* лежатъ деньги для меня, данныя *вамъ* на случай, когда я буду находиться въ нуждѣ — кѣмъ, вы умолчали и не сказали имени; расчитывая это, я попросилъ твердо; ибо кто такъ благороденъ, что скрылъ свое имя, полагая, что отъ того можно твердо взять деньги,— такія деньги берутся прямо, отъ кого бы они ни были, хотя бы отъ такого человѣка, которымъ бы мы никогда не хотѣли одолжаться; въ такомъ случаѣ неизслѣдуется даже и имя давшаго, а стремятся за него душевныя, искреннія

---

[1]) Т. VI, стр. 157. [2]) Id., стр. 158.

молитвы. Такимъ образомъ если даются деньги, то ужъ вѣрно даются *ради Христа* . . . . Итакъ, эти деньги, о которыхъ вы говорили мнѣ, какъ о положенныхъ для меня и вамъ врученныхъ,—я считалъ или дѣломъ любви ко мнѣ, нерасчитывающей на какія либо условія, или истинно христіанскія, ради самаго Христа данныя мнѣ въ помощь, для продленія жизни моей. Теперь, по обѣщанію вашему прислать мнѣ тысячу, какъ только успѣете собрать, и по словамъ вашимъ, чтобы я надѣялся на вашу помощь и впредъ, — я вижу, что эти деньги ваши и мнѣ страхъ жалко взять ихъ у васъ, мой добрый, прекрасный и, увы! небогатый деньгами другъ мой; если вы вышлите мнѣ эту тысячу, я ее возьму . . . . . » [1]).

Не было ли тутъ маленькой комедіи? Г-жа N. F., изъ деликатности, вѣроятно скрыла — чьи это были деньги; но когда Гоголь сталъ серьозно, или, какъ онъ выражается, *твердо просить*,— она призналась, что деньги ея собственныя, въ надеждѣ, что, быть можетъ, Гоголь посовѣстится взять; но герой нашъ провелъ, или по-просту, надулъ своего добраго друга, и соболѣзнуя о ея небогатомъ кошелькѣ, и обнадеживая душевными искренними молитвами, занялъ у нее 2,000, съ тѣмъ, чтобъ отдать чрезъ два года.

Наконецъ, въ откровенномъ письмѣ къ другу Аксакову, отъ 18 марта 1843 года, апостолъ

---

[1]) Т. VI, стр. 170.

нашъ самъ называетъ себя нищимъ и приводитъ самое слово *милостыня.*

«Я думаю вы уже знаете изъ письма моего къ Шевыреву, въ чемъ дѣло. Вы должны принести для меня жертву, соединившись втроемъ, вмѣстѣ—вы, Шевыревъ и Погодинъ—взять на себя дѣла мои на три года. Отъ этого все мое зависитъ, даже самая жизнь. Тысячи важныхъ, слишкомъ важныхъ для меня причинъ, а самая важнѣйшая,—что я не въ силахъ думать теперь о моихъ житейскихъ дѣлахъ. Но обо всемъ этомъ, я думаю, вы уже узнали отъ Шевырева. Со вторымъ изданіемъ распорядитесь какъ найдете лучше, но такъ устройте, чтобы я могъ получать по шести тысячъ въ годъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, раздѣливъ это на два или три срока, и чтобы эти сроки были слишкомъ точны; отъ этого много зависитъ. Впрочемъ, распоряженіе относительно этого предоставьте Шевыреву. Онъ точнѣе насъ всѣхъ. Слова эти слишкомъ важны, и во имя Бога молю васъ не пренебрегайте ими. Сроки должны быть слишкомъ акуратны. Что теперь я полгода живу въ Римѣ безъ денегъ, не получая ни откуда, это конечно ничего. Случился Языковъ и я могъ у него занять. Но въ другой разъ, это можетъ случиться не въ Римѣ: мнѣ предстоятъ глухія уединенія, дальнія отлученія. Не теряйте этого изъ виду. Если недостанетъ и неслучится къ сроку денегъ, собирайте ихъ хотя въ видѣ милостыни. *Я нищій и нестыжусь своего званія*» [1]).

Насилу сказалъ слово правды.

---

[1]) Т. VI, стр. 5.

Итакъ, Гоголь, до полученія пенсіи, дарованной ему въ 1845 году, живя за-границей, постоянно нуждался. Тѣмъ непонятнѣе рѣшимость его покинуть Россію и поселиться въ Римѣ. Пока обстоятельство это будетъ разъяснено его біографами, представимъ нашу догадку.

Почтенные читатели! многіе изъ васъ, будучи на службѣ, имѣли, а быть можетъ, и теперь имѣете покровителей, или, какъ говорилось въ Екатерининскія времена —милостивцевъ. Но, конечно ,никому изъ васъ такъ непосчастливилось какъ Гоголю; ни одинъ изъ васъ не овладѣлъ своимъ милостивцемъ, какъ хитрый хохолъ, несмотря на разность лѣтъ, положеній, характеровъ и мнѣній. Жизнь Жуковскаго извѣстна очень хорошо; мудрецъ и христіанинъ, съ чисто младенческой душой, онъ выразился весь въ статьѣ. «*Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ*». Гоголь, который во многихъ отношеніяхъ представлялъ совершенный контрастъ съ Жуковскимъ, умѣлъ такъ ловко заискать у него, что, по-просту, очаровалъ старика и заставилъ маститаго поэта безъ устали трудиться и хлопотать о своемъ юномъ протеже.

На первый или второй годъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, юный малороссъ, доставъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ Жуковскому, съ

перваго шагу такъ очаровалъ его, что онъ находилъ отраду осыпать хитреца благодѣяніями. Тотчасъ же передалъ онъ его другу Плетневу, который досталъ ему мѣсто учителя въ Патріотическомъ институтѣ, адъюнктъ-профессора въ университетѣ и ввелъ домашнимъ учителемъ въ два богатые дома. Вскорѣ Жуковскій представилъ его своимъ пріятелямъ: Пушкину, князю Вяземскому, Уварову и другимъ; огромную услугу оказалъ онъ ему, прочитавъ «Ревизора» въ дворцѣ и выхлопотавъ разрѣшеніе играть его. Чрезъ него же получилъ онъ перстни, денежные подарки за представляемыя сочиненія. Когда Гоголь рѣшился ѣхать за-границу, Жуковскій же выпросилъ для него пять тысячъ.

Извѣстно, что Жуковскій, кончивъ воспитаніе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, рѣшился, несмотря на свои безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ, жениться на дѣвицѣ Рейтернъ и поселиться въ Германіи. Будучи такъ близокъ къ Жуковскому, Гоголь вѣрно зналъ о томъ давно, что̀ и въ публикѣ было извѣстно, и составилъ планъ покинуть Петербургъ, гдѣ профессорство и, въ особенности, служба не везла ему. Онъ переѣхалъ за-границу, съ тѣмъ, чтобы тамъ, на досугѣ, эксплуатировать своего

великодушнаго и неутомимаго въ благодѣяніяхъ милостивца. Расчетъ его оказался вѣренъ; онъ успѣлъ во всемъ.

V.

ЖИЗНЬ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Сѣвъ на пароходъ въ іюнѣ 1836 года, проѣхалъ Гоголь, чрезъ Гамбургъ, Германію и Швейцарію, въ Парижъ, гдѣ провелъ зиму, пріютившись у милостивца графа Т. Слѣдующія зимы проводилъ онъ почти постоянно въ Римѣ, а послѣднія двѣ въ Неаполѣ, гдѣ его соблазнила даровая квартира у одной изъ своихъ покровительницъ.

Сколько можно судить изъ переписки, постоянною его заботою, живя за-границей, было — знакомиться съ богатыми и знатными туристами, которые одни только имѣли разрѣшеніе ѣздить за море, и поддерживать чрезъ нихъ связи съ друзьями, оставшимися въ Петербургѣ и Москвѣ и хлопотавшими о продажѣ его сочиненій и о присылкѣ денегъ. Но всего болѣе занимала Гоголя мысль сблизиться еще тѣснѣе съ Жуковскимъ и съ другими милостивцами, путешествовавшими въ разное время за-границей. Въ концѣ 1838 года, встрѣчается онъ въ Римѣ съ Жуковскимъ, слу-

житъ ему чичероне, и съ тѣхъ поръ ни на минуту не покидаетъ его изъ виду.

«Чрезъ два дни Жуковскій оставляетъ Римъ, пишетъ онъ общему пріятелю. Пусто мнѣ сдѣлается безъ него. Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику» [1]).

Замѣтимъ мимоходомъ, что пятидесяти-пятилѣтній Жуковскій, вовсе не былъ похожъ на мотылька, а чичероне его, совершенно свободный отъ всякихъ обязанностей, на узника. Напротивъ того, хитрый Гоголь, въ теченіе двадцати лѣтъ, постоянно порхалъ мотылькомъ около маститаго поэта, при всякомъ случаѣ высасывалъ его, а за-границей не спускалъ съ него ни на минуту глазъ.

Этимъ чрезвычайно глубоко обдуманнымъ и искусно исполненнымъ планомъ, можно только объяснить рѣшимость Гоголя поселиться на двѣнадцать лѣтъ за-границей, безъ ясной цѣли, средствъ, безъ образованія, и даже, безъ знанія европейскихъ языковъ. Собственно заграничная жизнь имѣла для него мало прелести. Въ его письмахъ туриста вовсе невидно; вездѣ грубая личность литератора, думающаго единственно о лучшей распродажѣ своихъ сочиненій, выпрашиваніи денегъ и объ обезпеченіи себѣ теплаго мѣстечка

[1]) Т. V, стр. 359.

Почему же, спросятъ читатели, не поселился онъ въ Германіи, поближе къ Жуковскому, который какъ поклонникъ Шиллера, переводчикъ Орлеанской дѣвы, Людмилы и Ундины, — предпочелъ идеальную, тихую, скромную Германію? Извѣстно, что онъ жилъ въ Дюссельдорфѣ, Дармштадтѣ и Франкфуртѣ.

Гоголю, по его грязной натурѣ, опрятная, честная Германія не могла нравиться, и въ письмахъ своихъ онъ постоянно говоритъ о ней съ отвращеніемъ:

«На Нѣмцевъ я гляжу какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ [1]..... Какъ показались мнѣ гадки Нѣмцы послѣ итальянцевъ, со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ».

«Опять, — пишетъ онъ къ дамѣ, — я увижу эту Германію, гадкую и закопченную табачищемъ.... Но я забылъ, что вы ее такъ любите и чуть было не сказалъ нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. . . .

По мнѣ Германія есть ни что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Чтожъ дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, хотя Нѣмцы издавна славятся опрятностью» [2])

За-то грязный, наполненный нищими и развалинами Римъ, встрѣтилъ полное его сочувствіе.

---

[1]) Т. V, стр. 408. [2]) Id., 374.

Независимо отъ мѣста конференцъ-секретаря при проэктировавшейся тамъ русской Академіи художествъ, мѣста съ 1,000 руб. жалованья, котораго онъ нѣсколько лѣтъ искалъ, невидно ни чего, что̀ бы могло привлечь его въ Римъ, кромѣ грязи и нищенства. Онъ самъ даетъ разгадку того въ письмѣ къ дамѣ Марьѣ Петровнѣ.

« Ахъ, Марья Петровна, что вы это дѣлаете, не вы-ли готовились доказать, и доказать формально, на бумагѣ, ясно, что первое занятіе человѣка на землѣ есть. . . . . »

Чтобы вы подумали, любезныя читательницы — природа, науки, искусства, любовь, общественное благо? — совсѣмъ нѣтъ; надо сказать; сами не угадаете. . . .

« Первое занятіе человѣка на землѣ есть *свинки.* Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали» [1]).

Повидимому, Марью Петровну, даму впрочемъ молодую, вопросъ о свиньяхъ чрезвычайно интересовалъ; ибо въ длинномъ письмѣ изъ Рима пишетъ онъ ей, въ числѣ прочихъ новостей :

« О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ не видалъ еще ни одной» [2]).

Издатель сочиненій Гоголя, находя здѣсь темноту, поясняетъ это въ подстрочномъ примѣчаніи:

« Это намекъ на матеріальную жизнь, которой

---

[1]) Т. V, стр. 344. [2]) Id. стр. 320.

лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему».

И потому не вѣрьте герою нашему, когда онъ пишетъ:

« Нѣтъ лучшей участи какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу» [1]).

Это могъ сказать католикъ. Для православнаго, глубоко вѣрующаго, эта фраза могла имѣть смыслъ въ Іерусалимѣ. Въ Римѣ—она была чистой галиматьей. Ему нравился Римъ перспективой получить тамъ выгодное мѣсто, служить чичероне Жуковскому, который, какъ извѣстно, былъ прекрасный рисовальщикъ, — и тѣмъ, что находилъ тамъ двѣ родныя его душѣ стихіи — грязь и нищенство.

Проживъ много зимъ сряду въ Римѣ, переселился онъ, въ послѣдніе годы, на зиму въ Неаполь, гдѣ его соблазнила даровая квартира у сестры милостивца. Весну и лѣто онъ проводилъ, по обыкновенію, на водахъ, около Франкфурта или

---

[1]) Т. V, стр. 329.

Дармштатѣ, смотря потому, гдѣ жилъ Жуковскій, бывшій неизмѣннымъ его фаросомъ,— безпрестанно навѣщая милостивца, говѣя у него и проживая по цѣлымъ мѣсяцамъ. Къ Жуковскому же адресовались письма, книги и деньги, пересылаемыя изъ Россіи. Однажды гостилъ онъ въ Баденѣ у г-жи N F., съ которою во время пребыванія за-границей часто переписывался. Письма его къ ней длинны, очень-очень скучны — и весьма естественно. Въ женщинѣ онъ видѣлъ не поэзію, не грацію, не роскошь созданія, не подругу жизни, даже не камелію, не лоретку, даже не простую ключницу, въ родѣ Терезы Руссо, а только Сенда или милостивца въ кринолинѣ. Извѣстна его мизогинія; онъ не терпѣлъ женщинъ. О чемъ же ему переписываться съ дамами, коихъ осквернялъ грязнымъ прикосновеніемъ? Съ одной, Марьей Петровной, бесѣдуетъ онъ о свиньяхъ; съ другой, N. F., извѣстной въ свѣтѣ дивною красотою — о Жуковскомъ, общемъ ихъ пріятелѣ, нервахъ ея, чортѣ и бригадиршѣ.

Сначала авторъ думалъ, что чортъ, о коемъ Гоголь нерѣдко говоритъ въ письмахъ къ этой дамѣ — есть шутка; но скоро разувѣрился: дѣло серьозное. Чортъ Гоголевскій, впрочемъ, не сатана воспѣтый Мильтономъ; не великолѣпный Люци-

феръ, князь тьмы, Байрона, — князь, который боролся съ Іеговой, побѣжденъ, но не теряетъ надежды побѣдить въ свою очередь; даже не Гётевъ Мефистофель. Чортъ его лишенъ всякой поэзіи; онъ просто бѣсенокъ, школьникъ, проказникъ, двѣ капли воды самъ Гоголь.

Вотъ его выраженья въ письмахъ къ г-жѣ N. F.:

«Не забывайте, что сплетни распускаетъ самъ чортъ, а не люди, затѣмъ, чтобы смутить и низвести съ того высокаго спокойствія, которое намъ необходимо для житія жизнію высшею, стало-быть той, какою слѣдуетъ жить человѣку. Эта длиннохвостая бестія, какъ только примѣтитъ, что человѣкъ сталъ остороженъ и неподатливъ на большіе соблазны, тотчасъ спрячетъ свое рыло и начинаетъ заѣзжать съ мелочей» [1]).

И въ другомъ письмѣ:

«А насчетъ чортика и другихъ лѣзущихъ въ голову постороннихъ гостей, скажу вамъ просто: плюньте на нихъ. Скажите мнѣ нѐкогда; у меня есть теперь много работъ поважнѣе, въ томъ числѣ положимъ и дѣло Гоголя..... Нѐкогда, нѐкогда, сатана, убирайся въ свою преисподнюю. Онъ, скотина, убѣжитъ, поджавши хвостъ» [2]).

Такого чортика Гоголь почерпнулъ въ своей душѣ или отыскалъ его въ баснѣ Крылова, гдѣ браминъ подкарауливаетъ послушника, дѣлающаго въ постъ попытку сварить яйцо на свѣчкѣ:

---

[1]) Т. VI, стр. 495. [2]) Id., стр. 511.

Прости, отецъ святой,
Прости, мое ты прегрѣшенье;
И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ.
А тутъ бѣсенокъ изъ-за печки.
— Не стыдно ли всегда клепать на насъ;
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И право вижу въ первый разъ
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ.

Такъ-точно Гоголь, въ письмѣ къ отцу Матѳею, сворачиваетъ на чорта вину изданія «Переписки съ друзьями».

« Опечаленный нѣкоторыми непріятными происшествіями, у насъ случающимися, и нехристіанскимъ направленіемъ современной литературы, я опрометчиво поступилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А діаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать, что случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою значительность у Бога » [1]).

Въ письмѣ къ Аксакову, отъ 16 марта 1844 года, онъ еще сильнѣе характеризуетъ чорта:

«Все это дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно — чорта. Но вы упускаете изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья.... итакъ, ваше волненье есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте

[1]) Т. VI, стр. 442.

по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ точно мелкій чиновникъ забравшійся въ городъ, будто на слѣдствіе. Пыль распуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стоитъ только струсить и податься назадъ — тутъ онъ и пойдетъ храбриться; а какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана, а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ-знаетъ что̀» [1]).

Въ г-жѣ N. F., сколько можно судить по длиннымъ и скучнымъ письмамъ Гоголя, былъ умъ, познанія, любознательность; изъ нея могла выйдти знаменитость: Шарлотта Вертерова, Шарлотта Штиглицъ, Евгенія Туръ или хоть г-жа Свѣчина; но все чистое, возвышенное, погублено въ ней прикосновеніемъ грязнаго нищаго, къ которому имѣла она какое-то почитаніе. Чтожъ и могла почерпнуть эта милая дама изъ его наставленій? Онъ извлекалъ изъ нея, какъ изо всѣхъ, съ кѣмъ переписывался, большую пользу: сближался чрезъ нее съ Жуковскимъ, занималъ деньги, заставлялъ ее хлопотать въ Петербургѣ о своихъ дѣлахъ, рисовался предъ нею на пьедесталѣ, пиша фразы въ родѣ слѣдующихъ:

«Благодарю васъ за все, моя добрая N F., за ваши прекрасныя новости; я приказываю вамъ не грустить. Во имя Бога, повелѣваю вамъ это» [2]).

И наконецъ, что для него было немаловажно,

---

[1]) Т. VI, стр. 72. [2]) Id. стр. 217.

упивался ѳиміамомъ, который ученики и ученицы курили предъ нимъ безпрестанно. Неизвѣстно дошла ли г-жа N. F. до такого обожанія, до котораго, какъ видно изъ письма къ ней, довелъ онъ другую свою ученицу, хорошенькую W. F.:

«Встрѣча наша была радостна необыкновенно. Крикъ былъ съ обѣихъ сторонъ; поцѣловались мы весьма крѣпко. Потомъ уже, она, отошедши отъ меня, вдругъ вспомнила, что еще не все, и подбѣжала къ рукѣ» [1]).

И такъ Гоголь, не находя удовольствія цѣловать дамскихъ ручекъ, протягивалъ имъ свою грязную руку.

Купаясь постоянно въ любимомъ элементѣ, онъ пачкалъ грязью своихъ обожательницъ, которымъ непонятно какъ это могло нравиться. Вотъ что пишетъ онъ той-же г-жѣ N. F. о бригадиршѣ ихъ общаго знакомаго, чуть-ли не ея мужа:

«Я получилъ письмо изъ Грефенберга, отъ F. Онъ описываетъ свое леченье, которое кажется идетъ успѣшно; но поступаютъ съ нимъ жестокимъ образомъ. Присницъ сажаетъ его на цѣлые четверть часа бригадиршей въ воду, холодную, какъ только когда либо выносилъ человѣкъ, до того, что онъ уже не чувствуетъ, есть ли у него бригадирша или нѣтъ. Послѣ сего приказываетъ взять лентухъ, т. е. привязать мокрую тряпку къ животу, и F. съ лентухомъ и отмороженною бригадиршею бѣжитъ во весь духъ на горы» [2]).

---

[1]) Т. VI, стр. 89. [2]) Т. VI, id.

Въ 1839 году, съѣздилъ Гоголь на короткое время въ Петербургъ, взялъ сестеръ изъ института, и, пристроивъ одну у Погодина, другую у г-жи N. N., проситъ мать пріѣхать повидаться съ нимъ.

Въ письмѣ къ г-жѣ N. N. есть чувство и даже неподдѣльное. Это чуть-ли не единственное письмо, гдѣ проглядываетъ чувство — такая рѣдкость, что не знаешь, чѣмъ его объяснить. Переписка съ этой дамой остановилась [1]).

Недолго оставался эмигрантъ нашъ на родинѣ; жаловался сильно на Петербургъ, и, занявши при содѣйствіи Жуковскаго 4,000 р. спѣшилъ обратно въ Римъ.

«Я получилъ ваше письмо, — пишетъ своему патрону; въ немъ же радостная вѣсть моего освобожденія. Римъ мой! Употреблю всѣ силы, все, что еще въ состояніи подвигнуться моей волею. А о благодарности нечего и говорить; вы понимаете какъ она должна быть сильна..... Обнимаю васъ, мой избавитель! [2]).

Другую, столь же кратковременную поѣздку онъ сдѣлалъ, въ 1842 году, въ Москву, для печатанія «Мертвыхъ Душъ» и для сдѣлки съ книгопродавцами насчетъ изданія полныхъ его сочиненій. Случайно ли, или по расчету, а послѣднее

---

[1]) Т. V, стр. 403. [2]) Id. 395.

вѣроятнѣе, ибо каждый его шагъ былъ расчитанъ,— обѣ поѣздки въ Россію онъ сдѣлалъ одновременно съ своимъ покровителемъ Жуковскимъ. Изъ Москвы возобновилъ Гоголь просьбу къ нему — ходатайствовать лично о мѣстѣ конференцъ-секретаря въ Римѣ [1]), о чемъ очень давно мечталъ и чего давно уже добивался. Предоставивъ земляку Прокоповичу кончить дѣла по изданію его сочиненій, которыя стали приносить ему постоянный доходъ, Гоголь въ половинѣ года былъ уже въ Германіи на водахъ. Зиму провелъ онъ въ Римѣ, а слѣдующія двѣ въ Неаполѣ, гдѣ предложили ему даровую квартиру. Это приглашеніе имѣло для него обаятельную прелесть, не столько изъ экономіи, сколько возможностью быть постоянно въ передней вельможи. Вотъ собственныя его слова:

«Неаполь прекрасенъ, но чувствую, что онъ никогда не показался бы такъ прекрасенъ, еслибы не приготовилъ Богъ душу мою къ принятію впечатлѣній красоты его. Я былъ назадъ тому десять лѣтъ въ немъ и любовался имъ холодно. Во все время прежняго пребыванія моего въ Римѣ, никогда не тянуло меня въ Неаполь; въ Римъ же пріѣзжалъ всякій разъ какъ на родину свою. Но теперь, во время проѣзда моего черезъ Римъ, уже ничто меня въ немъ не заняло.....»

---

[1]) Т. V, стр. 471.

Вотъ что значитъ потерять надежду на мѣсто конференцъ-секретаря!!

«Ничто не заняло, ни даже замѣчательное явленіе всеобщаго народнаго восторга отъ нынѣшняго истинно-достойнаго Папы. Я проѣхалъ его такъ, какъ проѣзжалъ дорожную станцію; обоняніе мое даже не почувствовало того сладкаго воздуха, которымъ я такъ пріятно былъ встрѣчаемъ всякій разъ по моемъ въѣздѣ въ него; напротивъ, нервы мои услышали прикосновеніе холода и сырости. Но какъ только пріѣхалъ въ Неаполь, все тѣло мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, какъ извѣстно, у другихъ еще раздражаются отъ Неаполя. *Я пріютился* у Софьи Петровны А., которой тоже можетъ быть внушилъ Богъ — звать меня въ Неаполь и приготовить у себя квартиру. Безъ того, зная, что мнѣ придется жить къ трактирѣ и не имѣть слишкомъ близко подлѣ себя желанныхъ душѣ моей людей, я бы можетъ быть не пріѣхалъ. Душѣ моей, еще немощной, еще не такъ какъ слѣдуетъ укрѣпившейся для жизненнаго дѣла, нужна близость прекрасныхъ людей....» [1]).

Попросту сказать, атмосфера передней у милостивца была для него купелью, гдѣ онъ нравственно и тѣлесно перерождался.

Такимъ образомъ провелъ онъ одиннадцать лѣтъ за-границей, разыгрывая роль Хлестакова-попрошайки: останавливался почти постоянно у мило-

---

[1]) Т. VI, стр. 292.

стивцевъ и занималъ, какъ Хлестаковъ, деньги у встрѣчнаго и поперечнаго. Но большая разница заключалась въ томъ, что Хлестаковъ добрый малый, вретъ безъ умысла и, самъ того не замѣчая, попадаетъ въ великіе люди. Между тѣмъ какъ Гоголь словечка въ простотѣ не говорилъ, расчитывалъ постоянно на эффектъ, добивался тепленькаго мѣстечка и съ наслажденіемъ разыгрывалъ роль профэта.

Въ январѣ 1848 года, сѣлъ онъ на пароходъ и поплылъ чрезъ Мальту въ Іерусалимъ. Судя потому, какъ въ молодости отзывался Гоголь объ обрядахъ литургіи и по насмѣшкамъ надъ матерью за-то, что она хотѣла ѣхать на богомолье въ Воронежъ, позволительно думать, что не религіозное чувство влекло его ко гробу Господню, а желаніе угодить Жуковскому. Человѣкъ, истинно смиряющійся, налагаетъ эпитимью на себя, а не на родныхъ. Деспоту въ семействѣ ничего не стоило написать матери:

«Во все время, когда я буду въ дорогѣ, не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое

поклоненіе, разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ нибудь развлеченіямъ» [1]).

Однимъ словомъ, каждый шагъ у него былъ расчитанъ на эффектъ.

VI.

ГОГОЛЬ — ГРАЖДАНИНЪ И ПАТРІОТЪ.

Хвалители Гоголя, находя въ немъ всѣ возможныя совершенства, превозносили его также какъ гражданина и патріота.

Перечитавъ всю довольно плодовитую его корреспонденцію, авторъ не нашелъ рѣшительно ничего похожаго на патріотизмъ или гражданскій подвигъ, даже не исключая мнимыхъ пожертвованій въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Письмо [2]) объ этомъ написано съ большими претензіями; но выкинувъ изъ него всѣ высокопарныя и лживыя фразы, можно добраться въ чемъ дѣло. Это было вовсе не пожертвованіе, какъ онъ говоритъ, а плата бѣднымъ студентамъ за сочиненія или переводы, которые имѣли быть помѣщаемы въ «Москвитянинѣ» или другомъ журналѣ, и наполнять его страницы. Тутъ не было никакого *святаго дѣла*, какъ выражался Гоголь, и никакого благодѣянія; отчета и отвѣта Богу не въ чемъ

[1]) Т. VI, стр. 288. [2]) Id. 123.

и давать. Все это — простая плата сотрудникамъ, книгопродавческая афера, обставленная очень ловко фразами о святомъ дѣлѣ, о незримыхъ и прекрасныхъ моленіяхъ о душѣ незримаго благотворителя и тому подобными фразами, посредствомъ коихъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ морочилъ своихъ поклонниковъ.

Просматривая внимательно его жизнь, сколько она извѣстна изъ напечатанныхъ источниковъ, авторъ не замѣтилъ нигдѣ, чтобы онъ принялъ участіе, словомъ или дѣломъ, хотя въ одномъ общеполезномъ предпріятіи; нигдѣ невидно гражданина или патріота. Самъ онъ довольно рѣдко говоритъ о своемъ патріотизмѣ. Чаще попадаются выраженія, доказывающія, что онъ былъ озлобленъ на Россію:

«Здѣсь бы, можетъ быть, — пишетъ онъ Марьѣ Петровнѣ, — я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать; а безъ гнѣва, вы знаете, не много можно сказать» [1]).

«У меня уже начинаетъ простывать маленькая злость, такъ необходимая автору и противъ того, сего, всякаго рода плевелъ» [2]).

Находясь въ Москвѣ, въ 1842 г., для печатанія «Мертвыхъ Душъ», пишетъ онъ Максимовичу:

---

[1]) Т. V, стр. 345. [2]) Id. стр. 420.

«Еслибы ты зналъ какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ. Жду и недождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь....»

Тутъ, воля ваша, видѣнъ не только индеферентизмъ, а какое-то отвращеніе отъ Россіи, гдѣ не хочетъ даже быть похороненнымъ, ибо продолжаетъ далѣе:

«Когда сбросишь съ плечъ все, что тяжело лежало на нихъ, пріѣзжай когда нибудь, хоть подъ закатъ дней, въ Римъ, на мою могилу, если нестанетъ уже меня въ живыхъ. Боже! какая земля, какая земля чудесъ! и какъ тамъ свѣжо душѣ» [1]).

За-что ему было сердиться на Россію — трудно понять. Кажется, что никогда плохой воспитанникъ провинціальнаго лицея не дѣлалъ въ столицѣ такой блестящей карьеры. Если служба и профессорство не повезли, то поприще литературное — славою, уваженіемъ и деньгами — далеко превзошло самыя смѣлыя ожиданія.

Эмиграція изъ Россіи тѣмъ удивительнѣе, что не имѣлъ онъ никакого сочувствія къ западной цивилизаціи. За-границей ничто его не поразило, ничто не увлекло, ничто не привязало; обо всемъ отзывается онъ холодно; иной туристъ, сидя дома, какъ дѣлывалъ Александръ Дюма, напишетъ

[1]) Т. V, стр. 456.

путевыя впечатлѣнія болѣе занимательныя. Отзывы его о Германіи извѣстны. Въ молодости занимался Гоголь рисованіемъ, и кажется, посѣщалъ въ Петербургѣ классы Академіи художествъ; а посмотрите съ какимъ равнодушіемъ говоритъ онъ о Рафаэлѣ. Во время неудачнаго профессорства, изучалъ онъ по книгамъ готическое зодчество и даже писалъ о немъ — правда, нелѣпо, — а про Ахенскій соборъ, говоритъ только: въ Ахенѣ находится старинный, прекрасный катедраль въ готическомъ вкусѣ. Окна идутъ отъ земли до самаго верху. Вся церковь свѣтла какъ оранжерея. Проѣзжая чрезъ Кельнъ, кажется, и не заглянулъ онъ въ дивный соборъ. Про Парижъ говоритъ онъ два слова:

« Я не знаю, что вамъ писать о Парижѣ. Въ немъ столько много всего, что не знаешь, съ которой стороны приняться » [1].

Да какъ и писать про Парижъ, когда побывать въ немъ считалось въ то время чуть не преступленіемъ.

Проживъ нѣсколько времени въ Неаполѣ, онъ даже не упоминаетъ о Помпеѣ и Бурбонскомъ музеѣ.

Итакъ, древность въ Италіи, средніе вѣка въ Кельнѣ и Ахенѣ, новая цивилизація въ Парижѣ —

[1] Т. V, стр. 283.

все въ одинаковой степени находило его холоднымъ. Ни италіянская природа, ни искусства, ни парижскія камеліи — ничто не затронуло его черствой души. Спрашивается, зачѣмъ онъ ѣздилъ за-границу и прожилъ тамъ одиннадцать лѣтъ.

Можно, кажется, дать на это удовлетворительный отвѣтъ въ трехъ пунктахъ:

1) Антипатія къ отечеству.

2) Возможность обращаться къ ученикамъ издали, какъ Моисей съ высоты Синая.

3) Удобство пользоваться, когда понадобится, милостями Жуковскаго и его пріятелей. Вспомните, что въ Парижѣ онъ имѣлъ даровую квартиру у графа Т., въ Неаполѣ — у сестры его Софьи Петровны, въ Баденѣ — у г-жи N. F., — и чрезъ всѣхъ ихъ хлопоталъ въ Петербургѣ о своихъ дѣлахъ.

Вообще о заслугахъ и роли литераторовъ имѣлъ онъ мнѣнія несовсѣмъ справедливыя. Мнѣніе это раздѣляютъ многіе изъ его русскихъ собратій, которые, трудясь для искусства или науки, думаютъ въ такой-же мѣрѣ принести пользу отечеству и ожидаютъ отъ него награды. По случаю посѣщенія Рима, въ 1846 году, Государемъ Николаемъ Павловичемъ, говоритъ Гоголь слѣдующее:

« Я не представлялся къ нему, потому что стало стыдно и совѣстно, не сдѣлавши почти ничего еще добраго и достойнаго благоволенія, напоминать о своемъ существованіи..... Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ».

Такъ думаетъ и біографъ г. Николай М.

« Такимъ образомъ, желаніе послужить вѣрою и правдою своему народу, а не какіе нибудь мелкіе политическіе расчеты заставили Гоголя выйдти въ отставку и уѣхать изъ Россіи» [1]).

Мнѣніе это раздѣляютъ многіе наши литераторы, увлекаемые примѣромъ Руссо, который, обладая неподражаемымъ краснорѣчіемъ, былъ въ одно и тоже время публицистомъ и литераторомъ. Тѣмъ неменѣе оно неосновательно. Публицистъ, моралистъ — имѣютъ свое назначеніе; литераторъ — свой кругъ дѣйствій. Иногда литераторъ можетъ обратиться въ публициста и оказать важную государственную заслугу или даже актъ гражданскаго героизма; такъ напримѣръ, когда Карамзинъ представилъ Александру I извѣстную свою записку. То былъ — подвигъ высокаго патріотизма. Гоголь не имѣлъ случая оказать такой заслуги, да не имѣлъ и охоты, ибо писалъ совсѣмъ въ другомъ духѣ и съ другою цѣлью.

---

[1]) Т. V, стр. 89.

«Дѣло мое уже вамъ извѣстно, — пишетъ онъ одному изъ своихъ знатныхъ покровителей, товарищу министра народнаго просвѣщенія, К. Д. К. Я знаю душа у васъ благородная и вы вѣрно будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости. Дѣло мое право и вы не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣсколько лѣтъ за своимъ трудомъ; для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему» [1]).

Трудъ и заслуги Гоголя заключались въ томъ, что онъ вывелъ на сцену взяточника — «Городничаго» и Чичикова, — скупающаго мертвыя души. Да кто у насъ не писалъ противъ лихоимства.

Въ вышеприведенномъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, онъ надѣется, что соотечественники приклонятся къ нему участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ («Мертвыя Души»), принесенный имъ отчизнѣ. Далѣе, проситъ онъ вспомоществованья, не какъ милости, а какъ правосудія.

И въ другомъ письмѣ [2]), къ Уварову же, котораго благодаритъ за пенсію:

«Меня утѣшала доселѣ мысль, что Государь, которому, какъ я знаю, истинно дорого благо душевное его подданныхъ, сказалъ бы обо мнѣ можетъ быть со временемъ:

---

[1]) Т. V, стр. 461. [2]) Т. VI, стр. 173.

(т. е. съ появленіемъ второй части «Мертвыхъ Душъ»). Этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодаренъ и зналъ, чѣмъ выразить мнѣ свою признательность».

Кажется, нѣтъ большой, и даже никакой заслуги описывать взяточниковъ или воспѣвать добродѣтельныхъ людей. Да кажется, литераторъ, поэтъ, историкъ и не должны имѣть въ виду службы отечеству. Они служатъ наукѣ, искусству, потомству, человѣчеству. По крайней мѣрѣ, отечество не требуетъ отъ нихъ службы въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это Гоголь; иначе, какъ объяснить нѣкоторые факты въ исторіи иностранныхъ литературъ.

Квасные патріоты нисколько не упрекали Вальтеръ-Скотта, изобразившаго въ очаровательныхъ романахъ Шотландію съ ея нравами, старинною доблестью, исторіею, соперничествомъ и борьбою съ Англіею; его не упрекали въ намѣреніи разстроить еще невполнѣ совершившееся сліяніе двухъ народовъ, такъ долго враждовавшихъ. Даже Шотландцы не ставили ему въ большую заслугу блестящаго воскрешенія забытой, незнаемой Шотландіи.

А между тѣмъ, и Англія, и вся Европа преклонились предъ великимъ незнакомцемъ, авторомъ Веверлея, не зная, англичанинъ ли онъ, ирлан

децъ или шотландецъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ, по политическимъ убѣжденіямъ, былъ истый англичанинъ, рѣшительный консерваторъ и считалъ себѣ за честь сдѣлать визитъ министру.

Какимъ образомъ, напримѣръ, служилъ отечеству Байронъ, который издѣвался надъ всѣмъ англійскимъ, порицалъ политику, ругалъ аристократію, ханжество, образъ правленія, государственныхъ дѣятелей? Почти въ каждой строфѣ, онъ проклиналъ Англію; а вся она, за исключеніемъ офиціальнаго, стала предъ нимъ на колѣни. Въ послѣднее время и офиціальный міръ смягчился. Недавно на стѣнахъ парламента явилось нѣсколько фресковъ, сюжетъ коихъ взятъ изъ его поэмъ, даже не относящихся къ національной исторіи, напр., «Смерть Лары.»

Но то, положимъ, поэты; они внѣ законовъ. Можно представить другой примѣръ, еще важнѣе. Юмъ, шотландецъ, французъ по образованію, ученикъ Вольтера, написалъ свою исторію Англіи, съ предпочтеніемъ и любовью къ бѣдственной участи Стюартовъ, и, по собственному сознанію, для утоленія своей антипатіи къ Англіи. А Англія провозгласила его первымъ историкомъ новыхъ временъ, признала книгу его классическою и учились по ней пятьдесятъ лѣтъ. Правитель-

ство назначило его секретаремъ посольства въ Парижѣ, потомъ государственнымъ секретаремъ. Вышелъ онъ въ отставку съ полною пенсіею и дожилъ спокойно вѣкъ, пользуясь общимъ уваженіемъ.

Не знавъ Гоголя лично, авторъ ничего не можетъ сказать о его патріотизмѣ, какъ малоросса. На запросы, дѣлаемые ему друзьями, въ письмахъ, онъ отвѣчалъ уклончиво. Но въ немъ нѣтъ и слѣда русскаго патріота или гражданина. Вездѣ, гдѣ онъ былъ — въ нѣжинскомъ лицеѣ, въ семейномъ кругу, на каѳедрѣ петербургскаго университета, въ передней у милостивца, — вездѣ онъ одинъ и тотъ-же: холодный, бездушный эгоистъ, попрошайка съ лакейскими формами; но чрезвычайно искусный человѣкъ для достиженія своей цѣли.

VII.

ГОГОЛЬ, КАКЪ ЛИТЕРАТОРЪ.

Послѣ всего сказаннаго, читатели въ-правѣ заключить, что мы не высокаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ литераторѣ.

Сознаемся откровенно, что не считаемъ его ни геніемъ, ни поэтомъ, ни даже художникомъ, чѣмъ такъ усердно величаютъ его почитатели. Самъ онъ говоритъ о себѣ, почти вездѣ, какъ о

писателѣ, и очень рѣдко—какъ о поэтѣ, и если «Мертвыя Души» названы поэмой, то конечно для большаго эффекта. Гоголь обладалъ необыкновеннымъ тактомъ вò-время стать среди толпы на ходули и громкимъ крикомъ покрыть прочіе голоса. Расчетъ почти всегда оказывался вѣренъ. Кто стоитъ ближе къ площадному оратору замѣчаетъ ходули; но толпа видитъ голову говоруна, часто не слышитъ словъ, повторяетъ отзывы стоящихъ впереди, рукоплещетъ: что за большой человѣкъ, какъ красно говоритъ! Самъ Гоголь очень рѣдко себя выдавалъ за поэта: помнится только разъ, въ письмѣ къ Языкову или Одоевскому, говоритъ, и то слегка, о служеніи музамъ. Смотрѣлъ онъ гораздо далѣе: думалъ о служеніи отечеству, пользѣ государственной.

Отрѣшаясь отъ вліянія современнаго общества, всегда увлекаемаго разными отношеніями, скажемъ мнѣніе наше о его литературныхъ трудахъ, такъ-какъ намъ кажется будетъ судить его потомство, такъ-какъ судятъ теперь Озерова и Сумарокова. Не признавая за нимъ титла поэта, художника, историка, мыслителя, скажемъ, что онъ былъ даровитый сатирикъ, тонкій наблюдатель нравовъ, талантливый писатель повѣстей. Въ этой спеціяльности дарованія его были велики, несом-

нѣнны. Но чтобы занять въ Пантеонѣ всемірныхъ или даже русскихъ писателей мѣсто повыше, ему многаго, очень многаго недоставало.

Во-первыхъ, образованія. Учился онъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ плохо; выпущенъ четырнадцатымъ классомъ; не зналъ ни одного иностраннаго языка и даже слабо владѣлъ отечественнымъ. Біографъ его Г. М. сознается въ томъ:

« Послѣднія письма Гоголя, т. е. писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно большимъ соблюденіемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и поправокъ, обнаруживающихъ въ писавшемъ желаніе сообщить своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслью, неоглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше ».

Да и самъ Гоголь понималъ иногда, чего ему недостаетъ. Шевыреву онъ пишетъ:

« Исправь, пожалуйста, слогъ. Я не мастеръ на предисловія. Для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать авторъ съ нынѣшнею публикою, а

потому уладь всякое неловкое выраженіе и устрой всякій неуклюжій періодъ» [1]).

Или въ письмѣ къ Плетневу, когда ему было уже тридцать шесть лѣтъ:

«Мнѣ доставалось трудно все, что достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать языкъ и слогъ свой — первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого, даже изъ дурныхъ писателей..... Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ отношеніи..... Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что близко моей собственной душѣ» [2]).

Несмотря на поправки друзей, попадаются у него тяжкія ошибки противъ языка, даже и въ «Избранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», тщательно подготовленныхъ для печати:

Письмо «Свѣтлое Воскресенье» начинается фразою:

«Въ русскомъ человѣкѣ есть особенное *участіе* къ празднику Свѣтлаго Воскресенья» [3]).

Ясно, что авторъ хотѣлъ сказать: *сочувствіе* къ празднику Свѣтлаго Воскресенія.

А въ письмѣ къ Аксакову:

«Для этого нужно быть или вовсе старику, или вовсе нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь» [4]).

---

[1]) Т. VI, стр. 265. [2]) Id., стр. 303. [3]) Id., стр. 480. [4]) Id., 136.

Слѣдовало сказать: или совершеннымъ нѣмцемъ, или совершеннымъ старикомъ.

«Въ Парижѣ столько много всего, что не знаешь, съ которой стороны приняться».

Слѣдовало сказать: такъ много всего, или же много всего, такъ, что не знаешь....

Такіе промахи попадаются на каждомъ шагу. О темнотѣ слога въ письмахъ серьознаго содержанія — и говорить нечего. Адепты принимали это за глубокость мысли.

Недостатокъ первоначальнаго образованія старался онъ поправить ревностнымъ ученіемъ въ Петербургѣ.

Подъ конецъ жизни, почеркъ его сдѣлался лучше, орѳографическихъ ошибокъ стало менѣе; но слогъ остался неправиленъ, тяжелъ, теменъ, дубоватъ. И надо съ нимъ согласиться — то, что онъ писалъ, важно болѣе въ психологическомъ отношеніи.

Во-вторыхъ, недоставало у него вдохновенія, энтузіазма—однимъ словомъ, священнаго огня, безъ котораго писатель стиховъ будетъ не поэтомъ, а только риѳмоплетомъ. Писатель родится поэтомъ; не нужно ни ученья, ни трудолюбія; вдохновеніе видно и въ мальчикѣ. Овидія отецъ сѣкъ за то, что онъ писалъ стихи, и Овидій сквозь слезы

просилъ прощенія и давалъ стихами обѣтъ не писать стиховъ. Гоголь лучше своихъ обожателей понималъ, что онъ не поэтъ, и написавши въ стихахъ идиллію «Ганцъ Кюхельгартенъ», отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры, сжегъ ихъ, и болѣе за стихи не принимался.

Наконецъ недоставало у него чувства изящнаго и теплоты сердечной. Отъ чего нѣтъ у него ни картинъ природы, ни благородныхъ порывовъ, ни сильныхъ чувствъ, ни страстей. Заставьте самую сантиментальную даму читать его произведенія; сомнительно, чтобъ она, прочитавъ всѣ шесть томовъ, выронила слезинку. Всюду проглядываетъ у него мизантропія и мизогинія, всего неудачнѣе выходятъ женскіе характеры; онѣ или мужиковаты, въ родѣ Шпонькиной тетушки, или, почти всегда—идіотки. Мы возвратимся къ этому предмету впослѣдствіи.

Въ первомъ его произведеніи «*Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки*» есть юношеское одушевленіе, поэтическія картины, знаніе народныхъ обычаевъ и повѣрій, естественность, и наконецъ видимъ тамъ людей, которые, въ «*Утопленницѣ*», едва-ли не лучшемъ его произведеніи, живутъ, мыслятъ, любятъ, ненавидятъ на общихъ законахъ человѣческой природы, тогда какъ во всѣхъ другихъ

его произведеніяхъ являются не люди, а маріонетки или карикатуры.

Несмотря на огромный успѣхъ «Вечеровъ», юный писатель оставилъ путь, гдѣ могъ произвести много хорошаго, увлекся душною атмосферою петербургскаго честолюбія, занялся профессорствомъ, ученостью, вздумалъ писать исторію Малороссіи въ шести томахъ, исторію Среднихъ вѣковъ въ осьми томахъ; но кажется самъ скоро увидѣлъ, что это ему не подъ-силу и бросилъ все. Дѣйствительно, чтобъ изучить и начертать характеръ историческихъ лицъ и событій, надо глубоко проникнуть въ сердце человѣческое, быть мыслителемъ, юристомъ, экономистомъ, немного тактикомъ и т. п. Это не то, что скопировать какого нибудь юродиваго старосвѣтскаго помѣщика.

Плодомъ его занятій на профессорскомъ поприщѣ осталось нѣсколько несвязныхъ, жалкихъ, безобразныхъ статей, большею частью неудачныхъ подражаній. Въ статьѣ объ архитектурѣ нынѣшняго времени попадаются мысли изъ Фридриха Шлегеля, поэтически разобравшаго красоты готическаго зодчества, но съ примѣсью Гоголевскаго цинизма. Трудно повѣрить — и въ Божьемъ храмѣ пытался онъ отыскать грязный элементъ,

и въ куполахъ и колоннахъ находилъ подобіе какихъ-то языческихъ, сладострастныхъ формъ [1]). Высокопарный разсказъ «Жизнь» есть, кажется, подражанье *Тьмѣ* Байрона; разсказъ этотъ лучше всего показываетъ неизмѣримое разстояніе, отдѣляющее поэта отъ писаки. Въ повѣсти «Тарасъ Бульба» видна попытка написать историческій романъ на манеръ Вальтеръ-Скотта, а въ «Портретѣ» и отвратительномъ «Носѣ» — подражаніе Гофману. По поводу «Носа», издатель сочиненій Гоголя дѣлаетъ замѣчаніе, доказывающее справедливость предположенія, что Гоголя захвалили пріятели и тѣмъ погубили его

«Гоголь долго не соглашался на печатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись».

По нашему чувству, это самая пошлая и бездарная повѣсть, какую случалось намъ читать и большаго труда стоило дойдти до конца. Вообще фантастическое, которое такъ идетъ мистической, идеальной Германіи, несовсѣмъ пристало русскому положительному міру. Жуковскій, заимствуя

[1]) Т. II, стр. 109, 119 и 124.

или переводя свои баллады съ нѣмецкаго, весьма благоразумно оставлялъ имъ германскую обстановку. Когда же вводилъ въ русскую жизнь фантастическій элементъ, какъ въ «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ» — то выходила совершенная неудача.

Занявшись службою и профессорствомъ, изрѣдка, какъ въ *Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, Старосвѣтскихъ помѣщикахъ, Шинели* — возвращался Гоголь къ настоящему своему роду, но не надолго. Повѣсти эти обличали умѣнье живописать скромный бытъ круга, среди коего онъ выросъ и жилъ; впрочемъ замѣтно уже было стремленье рисовать идіотовъ, каковы: Акакій Акакьевичъ и Афанасій Ивановичъ [1]).

Конечно, родъ этотъ невысокъ; но не всѣмъ же художникамъ быть Тиціанами и Рембрантами; надо же кому нибудь рисовать коровъ и телятъ. Поль-Потеры и Снейдерсы многочисленнѣе даже первоклассныхъ художниковъ. Не всѣмъ дается въ удѣлъ, какъ Браманте и Врену, возводить храмы Петра и Павла; надо же кому нибудь строить жилища для гражданъ въ городахъ и деревняхъ — поприще не столь высокое, но нерѣдко приносящее славу и дающее средства къ жизни. Лафонтенъ и Крыловъ въ невысокомъ родѣ умѣли

[1]) Т. VI, стр. 560.

пріобрѣсти популярность и сдѣлаться великими національными писателями.

Въ томъ родѣ, какъ написаны «Утопленница», «Старосвѣтскіе помѣщики», Гоголь пріобрѣлъ бы безсмертное имя въ русской литературѣ; но его захвалили; онъ увлекся честолюбіемъ, желаніемъ быть полезнымъ, сослужить хорошую службу (чисто петербургское желаніе), оставилъ волшебный міръ сказочной фантазіи, и рѣшился сдѣлаться наблюдателемъ современныхъ нравовъ, потомъ, какъ по мѣрѣ успѣха кружилась у него голова — исправителемъ, реформаторомъ, апостоломъ. По совѣту и мысли Пушкина, написалъ онъ «Ревизора». Идея счастливая; въ пьесѣ есть жизнь, комизмъ, и она вѣроятно долго еще будетъ украшать русскую сцену. Еслибы появленіе «Ревизора» въ уѣздномъ обществѣ приведено было съ большимъ правдоподобіемъ и провинціяльные чиновники выставлены не такъ карикатурно, комедія осталась бы вѣчнымъ памятникомъ современныхъ нравовъ. Но «Ревизоръ» страшно грѣшитъ противъ истины. Положимъ, что городничій, старый и бывалый человѣкъ, могъ отдать дочь за молокососа; но какъ могъ мечтать о лентѣ мелкій чиновникъ, въ уѣздномъ городѣ, гдѣ четвертый Владиміръ есть феноменальное явленіе. Кто, отъ мала до велика, не

знаетъ въ обширномъ русскомъ царствѣ, что звѣзда есть исключительная принадлежность генеральскаго чина. Все, чего городничій могъ надѣяться, это — мѣста полиціймейстера въ губернскомъ городѣ или частнаго пристава въ столицѣ. Еще большій промахъ — желаніе городничаго ударить въ колокола. Какъ опять не знать, что въ колокола звонятъ у насъ при проѣздѣ Высочайшихъ особъ или архіерея. Такіе промахи непростительны въ комедіи нравовъ, а ихъ множество въ «Ревизорѣ».

Въ одномъ журналѣ напечатана была критика, въ которой «Ревизоръ» поставленъ не только выше «Горя отъ ума», но и выше всѣхъ пьесъ Мольера, названнаго тутъ же поэтическимъ уродомъ — не художникомъ, человѣкомъ безсмысленнымъ; а все, до послѣдняго слова, въ «Ревизорѣ» превознесено до небесъ; самыя ошибки и несообразности названы красотами.

Такія неумѣренныя похвалы погубили Гоголя; онѣ помѣшали ему развить несомнѣнный комическій талантъ; онъ усилилъ свои недостатки, и, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, пошелъ назадъ.

О другихъ его попыткахъ въ драматическомъ искусствѣ не стоитъ и упоминать; онѣ ниже критики. Вездѣ представлены образы безъ лицъ, идіоты, люди, незнающіе сами — для чего они приходятъ,

уходятъ, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, суетятся; какъ напримѣръ въ «Женитьбѣ», гдѣ, отъ перваго до послѣдняго лица, всѣ какіе-то юродивые, дѣйствующіе безотчетно, — въ чемъ сознается въ монологѣ самъ Кочкаревъ. Цинизмъ и сальность, съ каждою пьесою, болѣе и болѣе проявляются. Напримѣръ, «Тяжба» начинается тѣмъ, что чиновникъ рыгаетъ три раза безъ малѣйшей надобности [1]). Писатели истинно-великіе, которые пишутъ не для толпы, избѣгаютъ сальности. Но иногда она такъ тѣсно связана съ предметомъ, что само-собой, рано или поздно, истекаетъ изъ него; напр., въ комедіи «Мнимый больной» Мольера, Арганъ прерываетъ жаркій разговоръ, чтобъ бѣжать къ ватерклозету. Тутъ — это естественно: ибо здоровый человѣкъ, отдавшись во власть шарлатановъ-докторовъ, становится непремѣнно мученикомъ привитой болѣзни. Но когда сальность не истекаетъ изъ самаго предмета — она просто отвратительна, какъ у Гоголя, который писалъ для высшихъ слоевъ Александрійскаго театра Маниловскія капли даже нелогичны: ибо семейство это изображено, какъ образецъ опрятности и деревенскаго comme il faut.

---

(1) Т. II, стр. 481.

Изъ того же источника происходило ложное стремленье къ эффектамъ, доходящее нерѣдко до тупыхъ балаганныхъ фарсовъ. Что, напримѣръ, остраго, умнаго, правдоподобнаго въ замѣнѣ или подмѣнѣ въ духовномъ завѣщаніи подписи Евдокіи — словомъ *обмокни*, что̀ будто-бы могло подать поводъ къ юридической запутанности. Не есть-ли это грубѣйшій площадной фарсъ и къ тому же чрезвычайно неудачный [1]).

Спрашивается, зачѣмъ Гоголь выводитъ на сцену провинцію, которую, какъ сынъ Малороссіи, долженъ былъ любить, и зачѣмъ изображалъ преимущественно идіотовъ?

Въ первомъ случаѣ, онъ искалъ угодить столицѣ, которая, какъ всѣ столицы, любитъ подсмѣяться надъ провинціею. Идіотизмомъ же, тривіяльностію, цинизмомъ, онъ думалъ нравиться большинству тогдашней публики, въ которой замѣчался въ сильной степени грязный элементъ. Сначала думали мы, что Гоголь писалъ для лакеевъ, кухарокъ и кучеровъ; но познакомившись ближе съ духомъ того времени, сознаемся, что ошиблись; онъ писалъ для большинства русской публики, которая незадолго до того восхищалась «Большимъ выходомъ у Сатаны» Сеньковскаго.

---

[1]) Въ сценахъ «Тяжба».

Замѣчательно, что Гоголь съ негодованіемъ отзывался о «Выходѣ»:

«Новоселье замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти «Брамбеуса», сколько тутъ и подлости, и вони, и всего» [1]).

А самъ тоже дѣлалъ.

Успѣхъ «Ревизора» еще болѣе вскружилъ голову нашему драматургу, что ясно видно изъ писемъ, пущенныхъ въ то время, и изъ развязки «Ревизора» гдѣ, говоря о назначеніи актера, несетъ такую дичь, такую ахинею, что уши вянутъ.

И какъ не закружиться его слабой головѣ. Онъ угодилъ въ одно и тоже время разнымъ нужнымъ для него лицамъ и публикѣ, — успѣхъ неслыханный Казалось, угодить одной изъ трехъ властей, значило — навлечь неудовольствіе остальныхъ двухъ. Но нашъ хитрецъ благополучно плавалъ между Сциллою и двумя Харибдами.

Тщеславіе, и самолюбіе его были удовлетворены; но — и кто этого не испыталъ, — финскій воздухъ необыкновенно какъ развиваетъ честолюбіе, которое сильно страдало отъ неудачъ на поприщѣ служебномъ и профессорскомъ. Вѣрное чутье говорило сыну Малороссіи, что ему не пробиться сквозь цѣлые легіоны искателей милости,

---

[1]) Т. V, стр. 175.

алчущихъ мѣстъ, чиновъ, орденовъ, арендъ и. т. д. Испытавъ, съ другой стороны, силу Жуковскаго и его отеческую любовь, зная, вѣроятно, намѣреніе пожилаго поэта переселиться для отдохновенія заграницу, составилъ онъ планъ — бросить Петербургъ, эмигрировать изъ отечества, поселиться поближе къ своему милостивцу и употребить свое вліяніе на него, чтобы впослѣдствіи заступить при Дворѣ его мѣсто. Въ Петербургѣ и Москвѣ онъ оставлялъ литературныхъ друзей, готовыхъ шлифовать, издавать и продавать его сочиненія, и съ которыми надѣялся сохранить дружескія сношенія; другіе друзья собирали для него деньги. Распорядившись такимъ образомъ, бросилъ онъ неожиданно Петербургъ, и переселился заграницу болѣе чѣмъ на десять лѣтъ.

Это только догадка наша, признаемся въ томъ. Если она не ошибочна, то надо отдать справедливость Гоголю; расчетъ его, необыкновенно тонкій и умный, доказываетъ, что онъ былъ рожденъ сдѣлаться главою партіи и во всякое другое время былъ бы важнымъ политическимъ дѣятелемъ.

За-границей написалъ онъ, по идеѣ Пушкина, первый томъ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ является еще съ бо̀льшими претензіями, назвавъ ихъ поэмою. Чего не писали о «Мертвыхъ Душахъ» его почи-

татели? Одинъ изъ нихъ, г. Милюковъ, кажется, не шутя, сравниваетъ ихъ съ Илліадой. Для оригинальности приводимъ нѣсколько строкъ:

Почему же, въ самомъ дѣлѣ, «Мертвыя Души» и не назвать поэмою. Вѣдь теоретики подъ именемъ героической поэмы разумѣли обширное эпическое сочиненіе, обильное чудесными событіями, гдѣ герой, одаренный могучимъ характеромъ, стремясь къ высокой цѣли, является въ борьбѣ съ людьми или судьбою. Вспомните содержаніе «Мертвыхъ Душъ»—и вы, вѣрно, согласитесь, что похожденія Павла Ивановича Чичикова нисколько не уступаютъ подвигамъ какого нибудь Ахилла или Готфрида... Неужели Чичиковъ окруженъ хуже, чѣмъ Агамемнонъ? Отъ чего Маниловъ, Плюшкинъ и Ноздревъ не приличнѣе Патрокла, Улисса или Терсита»? и далѣе сравниваетъ Собакевича съ Аяксомъ, предсѣдателя гражданской палаты съ Юпитеромъ, Коробочку съ Калипсиной нимфой и т. п., — и все это, кажется, серьозно [1]).

Будемъ основательнѣе. «Мертвыя Души» вовсе не эпическая поэма, не Илліада и даже не поэма, а просто нравоописательный романъ. Названіе поэмою — пустая претензія, нисколько не измѣняющая сущности дѣла. Такъ точно военный пи-

[1]) Очеркъ исторіи русской поэзіи, Милюкова, стр. 208.

сатель Жомини далъ извѣстному своему сочиненію «Военная и политическая жизнь Наполеона», заглавіе: «Наполеонъ предъ судомъ Александра, Цезаря и Фридриха», и въ заключеніе заставлялъ ихъ бесѣдовать въ Елисейскихъ поляхъ. Надъ этимъ посмѣялись. Жомини въ слѣдующемъ изданіи отбросилъ начало и конецъ, и вышла превосходная книга. Итакъ, можно, не грѣша предъ совѣстью, вымарать приписку *поэма*, назвать ихъ нравоописательнымъ романомъ и сказать, что въ нихъ еще болѣе претензій, ложныхъ эффектовъ, чѣмъ въ «Ревизорѣ», и еще менѣе поэтической истины. Всего удачнѣе вышли типы лакеевъ, по особенному къ нимъ сочувствію нашего грязнаго филантропа: Петрушка, кучеръ Селифанъ, точно какъ Осипъ въ «Ревизорѣ» — живы, отдѣланы con amore, поражаютъ художническимъ совершенствомъ и служатъ всякому изъ насъ. Не грустное ли доказательство успѣховъ его на поприщѣ Петербургскаго лакеизма. Есть еще нѣкоторое правдоподобіе въ карикатурныхъ лицахъ, гдѣ болѣе или менѣе отражается самъ авторъ: Ноздревѣ, Хлестаковѣ, Чичиковѣ. Но Собакевичъ — нѣмецъ, голландецъ, англичанинъ, — все, что угодно, только не русскій типъ. Плюшкинъ — нравственный уродъ, какого не встрѣтишь и въ Средніе вѣка. Далѣе,

чуть авторъ касается лица по выше образованіемъ или положеніемъ въ свѣтѣ, какъ бездарность его является въ полномъ блескѣ; вездѣ натяжка, ложь, преувеличеніе. Возьмите, напримѣръ, балъ у губернатора. Всѣ, сколько нибудь знающіе Россію, соглашаются въ томъ, что если со временъ Петра Великаго мы сдѣлали успѣхи на поприщѣ гражданственности, то всего замѣтнѣе они въ матеріальной образованности. Принялось у насъ лучше всего то, что касается внѣшности цивилизаціи: блескъ, роскошь, модный свѣтъ со всѣми его условіями—причудами, французскимъ языкомъ, верхушками наукъ и искусствъ, и общественныя удовольствія. Балъ, данный въ высшемъ обществѣ въ Петербургѣ — верхъ изящества; а по мнѣнію туристовъ, имѣвшихъ случай бывать въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ этомъ отношеніи нѣтъ провинціи. На офиціальныхъ балахъ господствуетъ строгое приличіе, какъ и вездѣ, гдѣ есть дамы. Въ иномъ отдаленномъ городѣ, губернаторъ или предводитель дворянства въ высокоторжественный день дастъ балъ, который напомнитъ Петербургъ. Какъ-же не замѣтить карикатурнаго бала въ «Мертвыхъ Душахъ». Губернаторъ, который вышиваетъ по тюлю, принимаетъ гостей, держа въ рукахъ болонку; Чичиковъ, при входѣ на балъ,

заговаривается съ дамами такъ, что хозяйка сама должна къ нему подойдти. Дочь ея, блондинка, такая-же идіотка, какъ невѣста въ «Женитьбѣ», не можетъ разинуть рта во весь вечеръ. Полковникъ подаетъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ шпаги. Пьяный Ноздревъ кричитъ во все горло, во время котильона садится на полъ и хватаетъ дамъ за платья, и т. п. Все это — чистая ложь, клевета на провинцію.

Чтобъ выказать, въ какой степени въ «Мертвыхъ Душахъ» все ложно и натянуто, сравнимъ ихъ съ двумя произведеніями Пушкина, гдѣ тоже описаны провинціальные нравы: графомъ Нулинымъ и Онѣгинымъ. Въ Нулинѣ всего три лица: помѣщикъ, уѣзжающій на псовую охоту, молодая жена его и графъ Нулинъ — Хлестаковъ высшаго тона. Начало — мастерская картина въ фламандскомъ вкусѣ: мужъ уѣхалъ, жена остается одна, скучаетъ и отъ скуки начинаетъ читать романъ:

Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;

Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже;
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ;
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Что можетъ быть прозаичнѣе этой картины; но въ ней нѣтъ ничего пошлаго, тривіальнаго, сальнаго. Является графъ Нулинъ; болтаетъ, но не завирается какъ Хлестаковъ, увѣряющій, что сочинилъ Юрія Милославскаго; любезничаетъ, отпускаетъ комплименты. Хозяйка кокетничаетъ, шалитъ до того, что новый Тарквиній рѣшается отправиться ночью къ Лукреціи; между тѣмъ, какъ у Гоголя городничиха и дочь первыя идутъ къ Хлестакову. Однимъ словомъ, въ графѣ Нулинѣ все просто, натурально, всѣ лица намъ знакомыя; тогда какъ въ «Ревизорѣ» все ложно, натянуто; всѣ лица гротески, которые и въ глуши провинціи составляютъ исключеніе.

Въ Онѣгинѣ, гдѣ тоже описанъ провинціальный бытъ, за исключеніемъ высокаго идеала Татьяны, лица самыя обыкновенныя, деревенскія; но сравните съ «Мертвыми Душами» — и вы увидите неизмѣримую разницу между вѣрнымъ, немного поэтизированнымъ портретомъ и грубою,

площадною карикатурою. Ларина — деревенская барыня:

Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы;
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била, осердясь, —
Все это мужа не спросясь.

Вы видите, что Ларина хозяйка не хуже Коробочки, но она не называетъ гостя боровомъ, не входитъ къ нему въ комнату, когда онъ спитъ, и не предлагаетъ ему чесать пятокъ.

А балъ у губернатора и Лариныхъ.

Къ Ларинымъ являются деревенскіе львы, мусье Трике, Пустяковъ, Пѣтушковъ и Буяновъ, товарищъ нашей разгульной молодости. Замѣтимъ, кстати, что подвиги Буянова печатаются за-границею и расходятся въ огромномъ количествѣ. Все это — люди живые, намъ хорошо знакомые. Послѣ обѣда садятся въ карты.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли...
И чай несутъ.

Что естественнѣе въ русскомъ обществѣ, гдѣ карты — необходимое условіе всякаго съѣзда. Чичикову, напротивъ того, ни разу не предлагаютъ виста, а городничій клянется, что картъ никто у нихъ не знаетъ.

Вотъ и балъ:

Умчалъ Буяновъ Пустякову.

Буяновъ сродни Ноздреву, но въ обществѣ онъ не пьянъ, а тѣмъ менѣе позволилъ бы онъ себѣ напиться на офиціальномъ балѣ.

..... Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ.

Но на полъ онъ не садится и не хватаетъ дамъ за платья.

Съ одной стороны, живая, вѣрная, поэтическая картина; съ другой — лживая, площадная карикатура.

Кончая разборъ «Мертвыхъ Душъ», скажемъ два слова о грязи и сальности, коими приправлены онѣ почти на каждой страницѣ.

Защитники Гоголя говорятъ, что это въ натурѣ русскаго человѣка, что въ немъ присущъ, и въ сильной степени, грязный элементъ. Согласны: въ каждомъ человѣкѣ, въ каждомъ народѣ, есть смѣсь хорошаго и дурнаго въ разной мѣрѣ. Но въ томъ-то и клевета, что Гоголь, вовсе не упо-

миная о добрыхъ качествахъ русскаго народа, прикидывается, будто всѣмъ извѣстно, всѣми принято за аксіому, что онъ состоитъ изъ одной грязи; чиновниковъ нѣтъ иныхъ, кромѣ Хлестаковыхъ и городничихъ, а помѣщиковъ — лучше Ноздрева; почему и тѣшится, описывая ихъ гадости. Повторяемъ, хорошіе писатели никогда не прибѣгали къ этому жалкому средству нравиться читателямъ. Крыловъ, напримѣръ, въ басняхъ своихъ нерѣдко выводилъ крестьянъ, говорящихъ языкомъ мужицкимъ, но не грязнымъ. Въ «Демьяновой ухѣ», «Двухъ мужикахъ», «Двухъ мальчикахъ», не найдете ни одного грязнаго выраженія. Пушкинъ заставлялъ простонародье говорить языкомъ ему свойственнымъ, не прибѣгая ни къ плоскостямъ, ни къ фарсамъ. Няня Татьяны стара, глуха, глупа, но преданная, добрая и отнюдь не грязная старуха. Когда Самойлова признается ей въ своей любви (кто изъ Петербургскихъ жителей не слышалъ ея на сценѣ), никто не смѣется; у многихъ навертываются слезы; всѣ понимаютъ, что сѣдая Филипьевна, несмотря на низкое званіе, по-своему сочувствуетъ бѣдной Татьянѣ.

Пристрастіе Гоголя къ сальностямъ объясняется удовлетворительно антипатіею его къ дамскому обществу и къ женщинамъ вообще.

Выше замѣчено уже, что всего неудачнѣе у Гоголя женскія лица. Одна Ганна въ «Утопленницѣ» любитъ, да и то холодно; въ одной старухѣ Пульхеріѣ Ивановнѣ есть что-то похожее на чувство. Всѣ остальныя его женщины какого то средняго рода, не любятъ, не внушаютъ любви, не ревнуютъ, даже не говорятъ. Простыя дуры, идіотки, онѣ не могутъ сказать двухъ словъ, чтобъ занять гостя, на что русскія дамы такія мастерицы; не умѣютъ кокетничать, что въ русской женщинѣ чуть-ли не вторая натура. Въ какой напримѣръ навозной кучѣ отыскалъ Гоголь такое противное созданье, какъ невѣста въ «Женитьбѣ». Оттого проистекаетъ во всѣхъ его произведеніяхъ необыкновенная холодность, отсутствіе чувства и преобладаніе грязнаго элемента.

Въ жизни романистовъ и поэтовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на современниковъ, женщины играли всегда большую роль. Гёте въ молодости обезсмертилъ Шарлотту; Лили въ старости кокетничалъ съ Бетиною и Рахелью. Еще болѣе мѣста занимали женщины въ жизни Байрона. Какая богатая, разнообразная галлерея, чуть-чуть не mille e tre, какъ у Донъ-Жуана, англичанка, миссъ Каролина Ламбъ, имъ соблазненная, которая отомстила романомъ, гдѣ описала свое паденіе, и умерла

съ горести, встрѣтивъ нечаянно чрезъ десять лѣтъ похоронную процессію измѣнника; педантка, чопорная жена, вздумавшая исправлять вѣтреннаго мужа; нѣжная, аристократическая Гвиччіоли и множество венеціанскихъ и другихъ камелій. Одна изъ нихъ, красавица Маріанна, силою чувствъ возвышалась надъ своимъ положеніемъ. Волнуемая ревностью, она самовольно переселяется на квартиру Байрона. Пришлось выгонять ее силой; является мужъ въ сопровожденіи полиціи. Разодѣтая какъ принцесса, пылкая Маріанна сопротивляется, машетъ ножемъ, хочетъ заколоться; ее уводятъ насильно, и, при выходѣ изъ палаццо, она бросается въ большой каналъ.

Кто вынесъ много такихъ домашнихъ супружескихъ и всякихъ бурь, тотъ умѣлъ создавать безсмертные типы: Гандею, Гюльнару, Медору, Мирру, запечатлѣвшіеся навсегда въ памяти образованныхъ читателей.

Для Гоголя женщина не существовала; вспомните неприличное письмо его къ матери, гдѣ между-прочимъ читаемъ:

« Какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я добыча разврата. . . . Я готовъ дать отвѣтъ предъ лицемъ Бога, если я учинилъ одинъ развратный подвигъ . . » [1]).

---

[1]) Т. V, стр. 395.

Добровольный евнухъ, онъ остался холостъ и радовался тому. На совѣсти у него не остались ни миссъ Ламбъ и Мильбанкъ, ни Маріанна; не прельщался онъ ароматомъ камеліи или маргаритки; не осушалъ поцѣлуями слезъ нѣжной Гвиччіоли, даже никогда не грызла его сварливая хозяйка въ родѣ Терезы Руссо. Оттого всѣ женщины его идіотки, ложны, отвратительны и даже молчаливы, за исключеніемъ Коробочки. Напрасно надрывается онъ иногда, настроивъ фальшиво лиру, создать какой нибудь женскій типъ: Анунціяту или Альциною. Это — тѣ-же карикатуры, только не въ грязномъ, а въ высокопарномъ родѣ.

Читатель понимаетъ теперь, почему въ сочиненіяхъ Гоголя господствуетъ такой мрачный, аскетическій характеръ; почему вездѣ разлита мизантропія, приписываемая несправедливо патріотизму, и мизогинія, отъ которой онъ и умеръ. Любопытныхъ отсылаемъ къ брошюрѣ доктора Тарасенкова «Послѣдніе дни жизни Гоголя», гдѣ описана страшная его кончина, хотя болѣзнь не названа настоящимъ именемъ. Брошюра разъяснена въ фельетонѣ Петербургскихъ Вѣдомостей, 1857 г. 16 марта.

Тамъ читаемъ:

«Гоголь не любилъ общества, даже избѣгалъ

его; не любилъ (почти) женщинъ; часто бывалъ сумраченъ, хандрилъ, грустно смотрѣлъ на жизнь и воспроизводилъ только грустныя стороны ея, наконецъ впалъ въ манію и умеръ въ припадкѣ явнаго *нервнаго истощенія*..... Не эти ли именно черты, какъ неизбѣжный выводъ, невольно поражаютъ насъ во всемъ, что намъ доселѣ извѣстно изъ жизни Н. В. Гоголя, у котораго, кромѣ великаго поэтическаго таланта, было какъ у всякаго человѣка немощное тѣло? и въ этомъ очеркѣ не сказывается-ли исторія какой либо хронической болѣзни? отвращеніе къ женскому обществу..... но тутъ мы сдѣлаемъ небольшую оговорку. Гоголь не избѣгалъ всѣхъ женщинъ вообще; онъ любилъ даже иногда побесѣдовать, потолковать съ женщиной (письменно или же въ устномъ разговорѣ), но лишь по отношенію къ ея умственной и такъ сказать общечеловѣческой сторонѣ; онъ не любилъ въ женщинѣ того, что составляетъ ея существенное значеніе и высшее достоинство — ея женственности, хотя и очень много говорилъ объ этой женственности, нисколько на самомъ дѣлѣ ея не понимая; онъ не любилъ и не умѣлъ любезничать съ женщиной, ухаживать за ней, или, чтобъ наконецъ сказать все однимъ словомъ — избѣгалъ любовныхъ отношеній и связей....

Итакъ, отвращеніе къ женскому обществу (въ томъ смыслѣ какъ мы сейчасъ опредѣлили), любовь къ уединенію, мрачное расположеніе духа, служитъ, по нашему мнѣнію, очевиднымъ признакомъ того, что и Н. В. Гоголь былъ подверженъ болѣзни, почти эпидемически господствующей въ молодомъ поколѣніи. Пока болѣзнь ограничивалась возбужденнымъ состояніемъ позвоночнаго столба, его раздраженіемъ (irritatio spinalis), до тѣхъ поръ ни близкіе къ нему, ни общество не замѣчали въ поэтѣ особенной перемѣны, хотя вся жизнь его не могла не быть и тогда уклоненіемъ отъ его физіологической нормы. Но вотъ болѣзненный процессъ въ позвоночномъ столбѣ сталъ распространяться и на сосѣднія части нервной системы, на головной мозгъ, и параллельно съ этимъ развитіемъ болѣзни, становилась все рѣзче и рѣзче перемѣна въ нравственной и поэтической природѣ автора «Мертвыхъ Душъ», и дошла наконецъ до такой степени, что показалась большинству внезапнымъ и нисколько непредвидѣннымъ переворотомъ. Потребность нравственнаго очищенія, толки о грѣховности своихъ созданій, намѣреніе ѣхать въ Палестину, изданіе знаменитой «Переписки», странныя рѣчи, странные литературные замыслы, странные типы 2-го тома «Мертвыхъ Душъ» и

многое другое — все это чисто патологическія явленія въ патологически измѣненной природѣ поэта.... Прошло много времени; Гоголь возвратился въ Москву, не излечившись отъ своего недуга. Здѣсь психическое его разстройство, его манія, сначала не вполнѣ опредѣлившаяся, обозначилась яснѣе и вылилась наконецъ въ форму непремѣннаго желанія загладить проступки прошлой жизни. Гоголь сталъ почти морить себя голодомъ. Организмъ, разстроенный предшествующими страданіями, не перенесъ строгаго воздержанія — и поэтъ погибъ, какъ сознательный нарушитель основныхъ законовъ человѣческой природы. Нисколько неудивительно послѣ этого, что такъ скоро угасла жизнь въ организмѣ Гоголя: сильное и продолжительное (методическое, такъ сказать), потрясенье всей нервной системы, къ которому впослѣдствіи присоединилось анемическое (недостаточное, полнокровное), а можетъ быть, и гидромическое (водянистое) состояніе — вотъ существенная, какъ намъ кажется, причина роковой развязки».

Зачѣмъ же, спрашиваемъ, переписывался онъ съ дамами, зачѣмъ маралъ ихъ своею грязью. Въ женщинѣ хитрый попрошайка видѣлъ или Сенда въ юбкѣ, или милостивца въ кринолинѣ. У одной онъ выпрашивалъ деньги, протекцію, даровую

квартиру; предъ другою могъ рисоваться, или даже, что дѣлалъ съ хорошенькою, но черезчуръ преданною F. W., давать цѣловать свои руки.

VIII.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Долго и съ совершеннымъ успѣхомъ игралъ Гоголь двуличную роль, прикидываясь либераломъ въ кругу молодыхъ литераторовъ, являясь ревностнымъ монархистомъ съ милостивцами, какъ наконецъ появленіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» изобличило его лицемѣріе. Литературные друзья, до того обманутые имъ, вѣрили горячо всему, что онъ ни писалъ, и обрадованные, что изъ среды ихъ одинъ въ милости и успѣлъ увернуться отъ строгости театральной цензуры, сдѣлали его главой партіи и стали немилосердно ему кадить. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ: гг. Z. Z. Z., Аксаковы, Шевыревъ и, въ особенности, Бѣлинскій, были искренни въ своихъ убѣжденіяхъ; видѣли въ немъ не скромнаго живописца провинціальныхъ нравовъ, а какого-то реформатора, надежду, славу, честь Россіи, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія и развитія; воздвигли ему пьедесталъ недосягаемой

высоты и въ почтительномъ созерцаніи почтительно сгрупировались у подножія его. Всѣ эти фразы, повторяемыя безпрестанно въ теченіе десяти лѣтъ, вскружили голову человѣку ограниченному; онъ принялъ ихъ за сущую истину; облекся въ ризы жреца и іерофанта, сталъ рисоваться на трибунѣ и выражаться высокопарными фразами въ родѣ слѣдующихъ:

«Да, другъ мой, я глубоко счастливъ; несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданье дивное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога; подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета» [1]).

Подумаете, читая эту галиматью, что онъ пишетъ что нибудь очень серьозное, противъ книги Штрауса, или одушевленъ подобно Карамзину, подносящему Императору Александру Павловичу записку о Польскихъ дѣлахъ. Ничего не бывало. Кончивъ «Мертвыя Души» и нуждаясь въ деньгахъ, хочетъ онъ, чтобы Погодинъ или Аксаковъ пріѣхали за нимъ въ Римъ, и довезли его въ своей коляскѣ до Москвы, гдѣ думалъ ихъ печатать Длинное письмо кончаетъ Гоголь такъ:

---

[1]) Т. V, стр. 436.

«А милѣе этихъ двухъ (Погодина и Аксакова), которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найдтиться никого. *Меня теперь нужно лелѣять*; не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собою глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ заключено теперь сокровище» [1]).

Простой смертный написалъ бы безъ претензій: Любезный другъ, ты путешествуешь одинъ въ своей коляскѣ; заѣзжай за мной въ Римъ и подвези въ Москву. Но Гоголь любилъ велерѣчіе, и тѣмъ туманилъ головы своихъ поклонниковъ.

Апостольство свое выставлялъ онъ обыкновенно въ дѣлахъ, въ отношеніяхъ умственныхъ и душевныхъ, а иногда даже въ пустякахъ. Напримѣръ, одному изъ своихъ земляковъ даетъ совѣтъ заняться годъ своей деревней; слѣдовать (надо было сказать: слѣдить) за прикащиками, за работниками, за плутнями, за ходомъ дѣлъ и проч..... Казалось бы, что могло быть проще; это чистѣйшая проза. Но и тутъ Гоголь облекается въ апостольскія ризы, становится на ходули, или, если угодно, на каѳедру, настроиваетъ голосъ на высшій діапазонъ и глаголетъ:

«О вѣрь словамъ моимъ; властью высшею облечено отнынѣ слово мое. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово» [2]).

---

[1]) Т. V, стр. 437. [2]) Id. стр. 447.

Выше замѣчено уже, что одной дамѣ, г-жѣ N. F., именемъ Бога, онъ повелѣвалъ не грустить. Чѣмъ болѣе расходились сочиненія и росла репутація, тѣмъ сильнѣе кружилась голова, и онъ болѣе и болѣе убѣждался, что призванъ играть роль реформатора.

«Всѣ болѣе или менѣе согласны, — говоритъ онъ въ «Перепискѣ», — въ томъ, что писатель — творецъ творитъ творенье свое въ поученіе людей» [1]).

Это совершенно несправедливо. Поучаютъ людей только проповѣдникъ и моралистъ, да и то дается имъ плохо. Гораздо легче и безопаснѣе льстить страстямъ, угадывать потребности современнаго общества. Такъ поступали всѣ, кто хотѣлъ единственно успѣха: Магометъ, Вольтеръ, Руссо, Еженъ Сю etc.; а у насъ Сеньковскій и Гоголь. Впрочемъ, надо отдать справедливость нашему герою; трудную роль игралъ онъ долго съ рѣдкимъ искусствомъ, не забывая въ тоже время играть и другую, довольно противоположную — роль лакея въ отношеніи къ милостивцамъ. Съ Жуковскимъ, Уваровымъ, Вяземскимъ, говорилъ онъ о преданности монархическимъ началамъ; съ Бѣлинскимъ и его партіею о либерализмѣ; кому льстилъ и подличалъ, предъ другимъ возносился;

---

[1]) Т. III, стр. 518.

то озадачивалъ фразами à la Tartuffe, въ родѣ: «какъ подлъ и низокъ человѣкъ, и въ особенности я» [1]), и умолялъ всякаго дѣлать ему упреки; то писалъ наивно:

«Люди, съ которыми я нахожусь, нынѣ въ сношеніяхъ, увѣрены не шутя въ моемъ совершенствѣ; гдѣ же добыть мнѣ голосъ осужденія»? [2]).

И все съ самымъ тонкимъ расчетомъ шло неизмѣнно къ одной цѣли — прославленію и возвеличенію самого Гоголя.

Сношенія его съ учениками и обожателями были также различны, смотря по степени ихъ усердія, положенію въ свѣтѣ и другимъ обстоятельствамъ, и въ этомъ отношеніи являлся онъ настоящимъ протеемъ. О людяхъ, въ преданности коихъ несомнѣвался, онъ умалчивалъ, отрекался отъ ихъ знакомства или говорилъ о нихъ холодно; имена Краевскаго, Панаева, Некрасова, ни разу, кажется, не встрѣчаются въ его письмахъ. О г. N. изъ Екатеринослава, помѣстившемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» восторженный до nec plus ultra разборъ «Мертвыхъ Душъ», онъ отзывается холодно: «лучшія критики пришли изъ провинціи». Иногда даже жестоко подсмѣивается надъ Сеидами. Такъ напримѣръ, въ письмѣ къ

---

[1]) Т. VI, стр. 241. [2]) Id. 361.

г-жѣ N. F. онъ порядочно отдѣлываетъ Московскихъ пріятелей, Аксаковыхъ:

«Объ S. S., какъ вы можете себѣ припомнить, я даже и не говорилъ вамъ никогда. Хотя я очень уважалъ старика и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, не смотря на неумѣренно излишнее выраженіе его; но я всегда однакожъ держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ ничего о себѣ, я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и выказывать такія качества, которыми бы могъ привязать ихъ къ себѣ; Я видѣлъ съ самаго начала, что они способны залюбить не на животъ, а на смерть. Это не та разумная, неизмѣнно твердая любовь во Христа, возвышающая человѣка, но скорѣе чувственная любовь, дѣлающая малодушнымъ человѣка, дрожащая какъ робкій листъ за предметъ любви своей. Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней, что-то приторное; я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ любви своей. Эту распаленную любовь къ моимъ сочиненіямъ восчувствовалъ ихъ сынъ, потому что въ душѣ его заключено дѣйствительно чувство высокой поэтической красоты. Эту распаленную любовь сообщилъ онъ и отцу своему, который безъ этого былъ бы можетъ быть умѣреннѣе и не пришелъ бы въ такое отчаяніе при мысли, что я погибъ для искусства» [1]).

Даже кокетки, гораздо злѣе Селимены въ Ми-

---

[1]) Т. VI, стр. 400.

зантропѣ или г-жи Рекамье, рѣдко подтруниваютъ такъ ядовито надъ своими поклонниками.

Показывала ли, или нѣтъ г-жа N. F. это письмецо, или кто вынесъ соръ изъ избы, а кое-что изъ этого лестнаго отзыва дошло до S. S. Присоединяя къ любви ревность, они жалуются профэту, что онъ ихъ преданность мѣняетъ на угожденія какимъ-то знатнымъ Маниловымъ. Гоголь отвѣчаетъ:

«Въ любви вашей ко мнѣ я никогда несомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права. Я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни объ чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, а этому можетъ быть способствовалъ милый сынъ вашъ Константинъ Сергѣичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ въ Москвѣ сказки, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т. е..... люблю угожденія и похвалы какихъ то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ какъ бы слѣдовало» [1]).

Точь-въ-точь Селимена или мадамъ Рекамье, — не знаютъ бѣдняжки куда и дѣваться отъ своихъ многочисленныхъ обожателей.

---

[1]) Т. VI, стр. 419.

Съ соперниками и врагами, каковы были Сеньковскій и Булгаринъ, хитрецъ нашъ былъ чрезвычайно остороженъ и очень рѣдко, развѣ въ письмахъ къ задушевнымъ пріятелямъ, мимоходомъ, слегка и робко кололъ ихъ.

Такимъ образомъ, обладая необыкновеннымъ тактомъ въ сношеніяхъ съ людьми, то браня, то подличая, то смиряясь, то возносясь, умѣлъ Гоголь достичь до того, что создалъ фанатическихъ поклонниковъ въ родѣ Бѣлинскихъ, Милюковыхъ, Шевыревыхъ, Аксаковыхъ, Екатеринославскаго N., хорошенькой F. W., красавицы N. F. и множества другихъ, которые благоговѣли предъ нимъ. Съ другой стороны,

Пролазъ въ теченіе полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ такимъ невиннымъ ремесломъ
Достигъ,

или, лучше сказать, доползъ до того, что нажилъ сильныхъ покровителей, неусыпно заботившихся о его благосостояніи. Имъ подкуривалъ онъ безбожно, какъ напримѣръ въ письмѣ объ Одиссеѣ Жуковскаго; въ свою очередь, они тянули его вверхъ, и онъ достигъ наконецъ до того, что увидѣлъ всю Россію у ногъ своихъ.

Какъ не закружиться головѣ у человѣка и

меньше склоннаго къ самообольщенію. Дѣйствительно, послѣ громаднаго успѣха «Мертвыхъ Душъ», онъ возмечталъ о себѣ еще болѣе, и, въ 1846 году, прислалъ въ Петербургъ для изданія «*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*». Ничто не можетъ дать понятія о высокомъ мнѣніи, какое онъ имѣлъ о новой своей книгѣ. Авторское нетерпѣніе было такъ велико, что онъ поручилъ Плетневу печатать первыя тетрадки, не дожидаясь послѣднихъ, и присылалъ ихъ по мѣрѣ изготовленія изъ Германіи и Остенде, гдѣ лечился и купался.

Плетневу, который взялся печатать «Переписку», пишетъ онъ отъ 30 іюля 1846:

«Наконецъ, моя просьба; ее ты долженъ выполнить какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону, и займись печатаніемъ этой книги, подъ заглавіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.» Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что покамѣстъ могу сказать .... не скучай за работой и будь бодръ....

Мужествуй и гляди твердо впередъ. Все будетъ свѣтло. Говорю тебѣ во имя Бога и обнимаю тебя крѣпко.....

Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги. Это нужно, нужно и для меня и для другихъ — словомъ, нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ это сердце мое и необыкновенная милость Божья, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и ду-

мать о томъ, не смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время; вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ и продолжалось все это до тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка. Это просто чудо и милость Божья» [1]).

Не знаемъ, можетъ ли горделивое самообольщеніе идти далѣе. За-то рѣдко кто испытывалъ бо̀льшее разочарованіе. Многимъ быть можетъ памятны рецензіи, написанныя по случаю выхода въ свѣтъ «Переписки», напримѣръ г. Павлова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; ихъ появилось множество и почти всѣ онѣ строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь такъ повернулъ круто въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя въ-правѣ кричать ему изо всей силы, чтобъ онъ остановился и вернулся на прежній путь. Фанатикъ Бѣлинскій, посвятившій всю жизнь на прославленіе своего грязнаго апостола, былъ этою измѣною пораженъ въ самое сердце, зачахъ, уѣхалъ за-границу и умеръ, съ горя, вѣроятно. Аксаковы, считая Гоголя погибшимъ для искусства, тоже впали въ отчаяніе. Но предъ отъѣздомъ успѣлъ Бѣлинскій

---

[1]) Т. VI, стр. 256, 261, 264, 271.

помѣстить въ «Современникѣ» статью, гдѣ охуждалъ новое направленіе. Гоголь, удивляясь, что на него разсердились всѣ до единаго, хочетъ оправдываться въ письмѣ, гдѣ нѣтъ числа и мѣсяца [1]).

При этомъ Гоголь вспылилъ въ первый разъ въ жизни, и написалъ сильный и рѣзкій отвѣтъ [2]); но не въ его лакейской натурѣ было ссориться съ первымъ своимъ ученикомъ, главнымъ орудіемъ распространенія своей славы, — съ человѣкомъ, который жилъ и дышалъ однимъ Гоголемъ. Онъ изорвалъ письмо и написалъ другое, несравненно мягче и короче, гдѣ, намекая на плохое здоровье Бѣлинскаго, проситъ его успокоиться.

Дѣйствительно, сильно озадачило Гоголя, что Бѣлинскій сталъ его порицать, — Бѣлинскій, находившій сладчайшую отраду въ созерцаніи его божественныхъ совершенствъ. Нѣмецкіе синіе чулки, Бетина или Рахель, одна изъ двухъ, въ припадкѣ энтузіазма, провозгласила Гёте божествомъ и даже, по-просту, богомъ. Если Бѣлинскій не называлъ такъ Гоголя, то вѣроятно потому, что такія вещи не терпимы; но смѣло сказать можно, что никогда писатель не посвящалъ себя такъ исключительно прославленію одного человѣка,

---

[1]) Т. VI, стр. 377. [2]) Id., стр. 379.

какъ Бѣлинскій, давно истощившій всѣ формы, всѣ выраженія самаго сильнаго энтузіазма; то былъ фанатикъ, какъ Сендъ у Магомета, или какъ юноши у горнаго старца во время крестовыхъ походовъ, готовые по мановенію учителя зарѣзать кого угодно, даже спрыгнуть съ башни въ каменный ровъ. Будь у Гоголя чувство, онъ воскликнулъ бы какъ Цезарь: tu quoque Brute! и выпустилъ бы перо изъ рукъ.

Этого мало. Со всѣхъ сторонъ сыпались на него упреки, непріятности, письма, жестокія обвиненія. Сначала Гоголь изумился, послѣ думалъ защищаться; писалъ много, витіевато, прибѣгалъ къ разнымъ уверткамъ и хитростямъ ему свойственнымъ, чтобы привести смирную публику въ прежнее повиновеніе, и если не при жизни, то по смерти успѣлъ ее вновь одурачить. При жизни, публика охладѣла — и это убило его. Чрезвычайно интересно слѣдить за постепеннымъ упадкомъ его гордости и самоувѣренности. Сначала онъ пѣтушится, похваливаетъ себя и даже очень ловко:

«Будь покоенъ на мой счетъ; меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ пошатнуться, что здраво и крѣпко во мнѣ.... [1]).

---

[1]) Т. VI, стр. 390, 391, 393.

Упреки мнѣ сладки, а отъ васъ еще будутъ слаще.... Силъ много, но умѣнья править этими силами мало, можетъ быть отъ того самаго, что слишкомъ много дано силъ. Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе и я дамъ за нее отвѣтъ Богу.....

Безъ этой книги не на чѣмъ было бы испробовать нынѣшняго человѣка. А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, несмотря на всѣ ея недостатки — сокровище.... » [1]).

На эти темы, въ письмахъ къ друзьямъ, разыгрываетъ онъ безчисленныя варіаціи въ надеждѣ возвратить утраченную популярность.

Но сомнѣнье начинаетъ западать въ его душу; онъ принужденъ сознать за собою какую-то вину, и, по обыкновенію такого рода людей, ищетъ тотчасъ на кого бы взвалить ее. Всего проще на чорта: рисковать тутъ нѐчѣмъ.

« Я опрометчиво поступилъ съ этою неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично; а діаволъ, который какъ-тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать » [2]).

Или сваливаетъ на друзей.

« Но много было причинъ къ ея изданію, а между прочимъ и та, чтобы увидѣли наконецъ читатели и почитатели (увы, и самые друзья), что не слѣдуетъ торопить меня къ

---

[1]) Т. VI, стр. 370. [2]) Id. стр. 442.

печатанію, когда я самъ чувствую, что не пришелъ еще въ силы выражаться ясно и просто» [1]).

«Всѣ недостатки книги, которые васъ такъ поразили, не выступили бы предо мною въ такой наготѣ; мнѣ никто ихъ не указалъ. Люди, съ которыми я нахожусь нынѣ въ сношеніяхъ, увѣрены не шутя въ моемъ совершенствѣ; гдѣ же мнѣ добыть голосъ осужденія? [2]).

Или на цензуру:

«Я не видалъ моей книги въ печати; знаю только, что она выпущена съ пропусками, выключеніемъ большей половины статей и мѣстъ. Въ статьяхъ и размѣщеніи ихъ была нѣкоторая связь, а въ связи все-таки нѣкоторое объясненіе дѣла».

Хотѣлъ онъ издать книжечку «Повѣсть моего писательства», которая бы принудила публику перечесть злосчастную переписку; хотѣлъ просить вѣрнаго въ несчастьи Шевырева написать критику или защиту «Переписки» [3])

Увы! ничто не помогаетъ: книга залежалась, и начинаетъ быть слышенъ вопль разтерзанной души, стоны глубоко уязвленнаго самолюбія. Что дѣлать? Надо сознаваться въ промахѣ; но и тутъ въ способѣ выраженія остается онъ вѣренъ лакейской натурѣ. Англичанинъ объяснилъ бы неудачу тѣмъ, что противная политическая партія взяла верхъ; друзья умолкли; враги возстали про-

---

[1]) Т. VI, стр. 352. [2]) Id. 361. [3]) Id. 401.

тивъ книги и увлекли общее мнѣніе. Нѣмецъ сказалъ бы: въ мнѣніяхъ произошелъ духовный переворотъ; публика увлеклась новыми умственными потребностями; мой взглядъ на философію времени не можетъ болѣе ей нравиться и т. п. Французъ сказалъ бы: ma foi, j'ai fait une sottise, n'en parlons plus. Русскій лакей говоритъ совсѣмъ иначе; у него своя манера выражаться, свои опасенья:

«Появленье книги моей, пишетъ онъ Жуковскому, разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи; оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и наконецъ еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказничалъ болѣе того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣлъ духа заглянуть въ нее..... При всемъ томъ книга моя полезна... въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры... [1]). Всѣ до того бывшіе вопросы въ литературѣ вдругъ замѣнились другими и всѣ предметы разговоровъ умныхъ людей нашихъ обществъ замѣнились другими предметами».

Право во мнѣ есть что-то хлестаковское .. [2]).

И въ письмѣ къ отцу Матѳѣю:

«Есть лица, которымъ нужна публичная въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя не зналъ еще, что получу самъ эту оплеуху».

---

[1]) Это оказалось хвастовствомъ. Книга пошла дурно. Т. VI, стр 350,

[2]) Т. VI, стр. 351.

Пришедши наконецъ къ сознанію, что получилъ заслуженную оплеуху, онъ смирился и видимо упалъ духомъ.

«Душа моя изныла, пишетъ онъ Аксакову, какъ ни крѣпнюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями» [1]).

По мѣрѣ охлажденія публики, происходила въ немъ перемѣна, гибельная для него самого. Но оставимъ говорить его біографа Z. Z. Z., одного изъ восторженныхъ, который нерѣдко приводитъ собственныя слова Гоголя. [2]).

«Не только «Переписка съ друзьями», но и «Мертвыя Души» стали предметомъ ожесточенныхъ на него нападокъ. Стали говорить, что онъ оклеветалъ Россію, выставивъ пошлости и пороки современнаго общества съ такимъ безпощаднымъ наслажденіемъ; что онъ самъ долженъ быть сродни Чичиковымъ, Плюшкинымъ и Ноздревымъ. Всѣ эти упреки сильно его поразили; въ минуту унынія, онъ сжегъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», и сталъ увѣрять всѣхъ, что въ его планѣ было наполнить первую часть пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой; что пред-

---

[1]) Т. VI, стр. 403. [2]) Опытъ біографіи Гоголя, стр. 159, 160

стояло совершить гораздо болѣе; ему нужно было во второй части представить такія явленія русской натуры, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурнаго, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Произведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣческой души нельзя по воображенью; что добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ сколько нибудь на нихъ походить; пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, — мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды».

«Чтобы подняться до идеала добродѣтельныхъ людей, Гоголь занялся съ новымъ жаромъ изученіемъ Россіи и русскаго человѣка; началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси, и вообще ея вещественное и нравственное состояніе, и завелъ переписку съ такими лицами, которыя могли сообщить ему какое нибудь интересное обстоятельство или опи-

сать какой нибудь замѣчательный характеръ. Потомъ попробовалъ писать; но ничто его неудовлетворяло.

Дѣйствительно, у писателей эксцентрическихъ, оригинальныхъ — назовите какъ угодно — собственное *я* проявляется, болѣе или менѣе и невольно, во многихъ произведеніяхъ. Кто не знаетъ, напримѣръ, что Чайлдъ-Гарольдъ, Лара, Корсаръ, Гяуръ, Манфредъ, очень-очень походятъ на самого Байрона. Маркизъ Поза, Максъ, идеальны, пламенны, какъ самъ Шиллеръ; на него же смахиваетъ самъ Валленштейнъ, въ которомъ нѣтъ ничего боеваго, желѣзнаго. Фигаро остался типомъ именно потому, что онъ вылитый Бомарше; Фаустъ не есть-ли выраженіе скептицизма самого Гёте. Такъ и нашъ поэтъ, нашедъ въ собственной душѣ первообразы Чичикова, Хлестакова, воспроизвелъ съ поразительною истиною то, что было ему всего ближе, всего родственнѣе — типы лакеевъ: Петрушки, Осипа и Селифана. Но когда вздумалъ онъ писать портреты добродѣтельныхъ лицъ, оказалось, что красокъ не заготовлено на палитрѣ. Эолова арфа издаетъ всегда одни и тѣже унылые аккорды — сильнѣе, слабѣе, явственнѣе, смотря по силѣ вѣтра и погодѣ, и, по натурѣ своей, неспособна производить другіе звуки. Напрасно вздумалъ Го-

голь искать внѣ себя красокъ для изображенія добродѣтельныхъ людей. Кто носитъ въ груди идеалъ изящнаго, тотъ и изъ глины воспроизведетъ его. Извѣстно, что дивная Сикстинская Мадонна есть портретъ Рафаэлевой любовницы Форнарины, дочери булочника, едва не мужички; портретъ, конечно, очищенный, возведенный до небесной непорочности, до высочайшаго идеала, который художникъ носилъ въ себѣ.

Итакъ, напрасно силился грязный поэтъ нашъ поймать идеалъ добродѣтельнаго человѣка. Ничто не клеилось. То, что намъ извѣстно изъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ», нѣсколько разъ передѣланнаго и два раза сожженнаго, гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ; но чрезвычайно пошло и скучно, за исключеніемъ, впрочемъ, опять карикатурнаго лица Петра Петровича Пѣтухова; ибо лишено того, что составляетъ главный шикъ первой части — духа клеветы и озлобленія автора, рисующаго карикатуры, гротески и клянущагося всѣми святыми, что въ Россіи все такъ грязно, гадко, гнусно; что пишетъ онъ, скорбя душой, съ натуры и ни черты не прибавилъ.

Болѣе и болѣе падалъ Гоголь духомъ, погрузился въ самого себя и признавалъ себя недо-

зрѣвшимъ еще до того, чтобы произнести умное и нужное человѣку слово. Мало-по-малу онъ пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что его сочиненія, какъ писателя, невполнѣ организировавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу; и что, поэтому, онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо, до тѣхъ поръ, пока не почуетъ себя приготовленнымъ къ своему дѣлу; онъ усумнился наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще писателя есть прямое его назначеніе. Тогда, по разсказу его біографа М., рѣшился онъ ѣхать въ Россію и вступить въ государственную службу. Возвратился онъ въ отечество чрезъ Іерусалимъ, куда поѣхалъ не столько по потребности душевной, сколько, какъ кажется, чтобы тѣмъ угодить Жуковскому, чрезъ котораго искалъ желаемаго мѣста.

Въ такомъ человѣкѣ какъ Гоголь, у котораго душа была какъ стеклянная лира, струны коей натянуты на одинъ тонъ—на холопское *я*, пробовать повернуть клавиши, строить лиру на другой тонъ, значило—разбить лиру,—и точно онъ разбился. Съ самаго письма, гдѣ росписался въ полученіи оплеухи, не написалъ онъ ни одной путной строчки. Весьма естественно, что съ отчаяніемъ въ душѣ,—отчаяніемъ, которое понималъ смутно,—не могъ онъ

написать ничего сколько нибудь похожаго на прежнее; самая переписка лишена всякой занимательности. Письма изъ Іерусалима доказываютъ, что вмѣсто христіанскаго чувства, которое требуетъ болѣе или менѣе поэтическаго настроенія, сердечной теплоты или, по крайней мѣрѣ, слѣпаго вѣрованія, въ немъ былъ какой-то аскетизмъ юродиваго. Какъ въ молодости, храмы въ Кельнѣ и Римѣ не возбудили его энтузіазма, такъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, видъ храма Господня не разшевелилъ его черствой души. Изъ Іерусалима пишетъ онъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ Жуковскому, коротенькія письма, въ десять—двадцать строчекъ; извѣщаетъ, что прибылъ благополучно и упомянулъ на эктеніи имя каждаго. Но Жуковскому этого недостаточно. Его вѣрующая, мистическая душа требуетъ отъ друга болѣе положительныхъ свѣдѣній.

«Знаешь ли какую тяжелую ты мнѣ задалъ задачу, — отвѣчаетъ паломникъ по неволѣ. Что могу сказать, чего-бы не сказали уже другіе..... Я думаю, что вмѣсто меня, всякій простой человѣкъ, даже русскій мужичокъ, если онъ только съ трепетомъ вѣрующаго сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку святой земли, можетъ разсказать тебѣ болѣе всего того, что тебѣ нужно» [1]).

---

[1]) Т. VI, стр. 478.

Именно, Гоголь правъ: всякій простой человѣкъ, мужичокъ, когда въ немъ есть религіозное чувство, можетъ о своихъ ощущеніяхъ разсказать болѣе эгоиста, ко всему холоднаго, котораго не одушевилъ даже гробъ Господень, не смотря на то, что нѣсколько лѣтъ онъ читалъ творенья святыхъ отцовъ и безпрестанно прикидывался мистикомъ. Эпитемія, которую наложилъ онъ на мать, вмѣсто того, чтобы самому ее нести — есть, по нашему мнѣнію, неопровержимое доказательство лицемѣрія.

Съ каждымъ письмомъ замѣтнѣе постепенное нравственное его изнеможеніе.

«У меня все лѣниво и сонно, пишетъ онъ г-жѣ N. F., работа движется медленно, а неумолимое, и невозвратное время летитъ, и летитъ такъ быстро, что иногда страхъ врывается въ сонную душу» [1]).

Къ Жуковскому:

«Всѣ на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что въ нихъ видно одно — нехотѣнье писать.... Это правда, мнѣ нужно большое усиліе, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость или преждевременное оцѣпененіе силъ» [2]).

И къ Плетневу:

«Не могу понять, что со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго на насъ вяло и лѣниво,

---

[1]) Т. VI, стр. 493. [2]) Id. стр. 496.

отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, — но я просто не успѣваю ничего дѣлать ».

Но, что было всего горьше, начинаетъ онъ видѣть, что публика рѣшительно отъ него отворачивается.

« Вижу по Одиссеѣ, если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего-же ожидать мнѣ? » [1]).

Какъ не былъ Гоголь проницателенъ, но тутъ ошибся, и вдвойнѣ. Публика не обратила, да и не могла обратить никакого вниманія на Одиссею; а забыла его измѣну, и болѣе, чѣмъ когда-либо, наслаждается его грязными произведеніями.

Изъ Іерусалима поѣхалъ онъ, наконецъ, въ Россію, провелъ лѣто 1848 года у матери, а зиму и весь 1849 г. въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ году, совершилъ онъ, на долгихъ, путешествіе изъ Москвы въ деревню, вмѣстѣ съ землякомъ Максимовичемъ; обѣдалъ въ Калугѣ у старинной пріятельницы N. F., и по дорогѣ заѣзжалъ во всѣ монастыри.

Путешествіе на долгихъ входило въ планъ, который замышлялъ онъ осуществить впослѣдствіи, говоритъ біографъ Гоголя. « Ему хотѣлось совершить путешествіе по всей Россіи,

---

[1]) Т. VI, стр. 500.

отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему нужно было для того, чтобъ видѣть живописнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя бо́льшею частью были избираемы старинными русскими людьми для основанія монастырей; во-вторыхъ, для того, чтобъ изучить проселки русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ у г-жи N. F.»

Подобными мечтами могъ онъ усыплять на минуту тоску страждущей души, но исполнить ничего не могъ, да едва-ли и хотѣлъ; занятъ былъ онъ совсѣмъ другимъ. Проведши лѣто въ деревнѣ, переѣхалъ на зиму въ Одессу, *чего-то* выжидая....

Жилъ онъ скромно, бывалъ лишь въ трехъ или четырехъ домахъ и не произвелъ никакого эффекта, что дѣлаетъ величайшую честь образованному одесскому обществу. По обыкновенію, даровую квартиру нашелъ онъ въ домѣ родственника своего Т., бывшаго въ отсутствіи. Планъ его былъ, какъ видно изъ письма отъ 2-го дека-

бря, три зимніе мѣсяца проводить постоянно гдѣ нибудь въ тепломъ климатѣ внѣ Россіи.

Нравственный упадокъ и физическое изнеможеніе дѣлали жизнь его безполезною. Ему нѣтъ и сорока лѣтъ, а онъ уже чувствуетъ приближеніе старости.

«Мы вѣдь люди уже старые, — пишетъ онъ г-жѣ N. F., извѣстной красавицѣ, которой едва-ли могъ нравиться такой комплимéнтъ, — что̀ намъ за рауты. Вѣдь старики по настоящему должны только глядѣть другъ на друга да благодарить Бога за все» [1]).

«Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у вратъ ея» [2]). Такъ поздравляетъ онъ Плетнева.

Мать его давно замѣтила, что онъ прибавлялъ себѣ лѣта. Не имѣвъ никогда молодости, душою и тѣломъ давно онъ былъ дряхлый старикъ, и могъ насчитывать себѣ семдесятъ лѣтъ.

Весною 1850 года, выѣхалъ онъ изъ Одессы, пробылъ нѣкоторое время въ родительской деревнѣ, гдѣ кажется пристрастился къ хозяйству, и лѣтомъ былъ въ Москвѣ, куда ожидали Жуковскаго. Осенью, думалъ онъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ неутомимый патронъ и милостивецъ долженъ былъ хлопотать о важномъ для него мѣстѣ. Эта

---

[1]) Т. VI, стр. 520. [2]) Id. 523.

поѣздка однакожъ не состоялась. Изъ послѣднихъ писемъ видно, что Гоголь собирался ѣхать на свадьбу сестры въ деревню и на зиму въ Крымъ. Осенью, онъ даже выѣхалъ, но почувствовавъ себя дурно въ Калугѣ, или по причинѣ денежныхъ обстоятельствъ, возвратился на зиму въ Москву, чего прежде очень боялся, ибо холодъ былъ ему вреденъ. Въ началѣ зимы, онъ еще просматривалъ новое изданіе своихъ сочиненій и училъ актеровъ разыгрывать свои пьесы. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, хотя и пишетъ Жуковскому, что работаетъ, съ тою разницею, что меньше быть можетъ юношеской самонадѣянности и больше сознанія; но въ сущности въ послѣдніе четыре — пять лѣтъ рѣшительно ничего не произвелъ, да и не могъ произвести. Видимо упадалъ духомъ, таялъ, предался ипохондріи, которая привела новый припадокъ мизогиніи, отчего онъ и умеръ, въ февралѣ 1852 года, смертью ненавистника женщинъ.

Смерть его, ускоренная обманутымъ честолюбіемъ, уязвленнымъ тщеславіемъ, была послѣдовательна; и въ смерти онъ остался вѣренъ самъ себѣ. Умеръ онъ отъ мизогиніи, въ даровой квартирѣ, въ передней милостивца, одинокимъ, вдали отъ родныхъ, окруженный учениками, въ Москвѣ, которая гордится тѣмъ, что возлюбила

его и хранитъ прахъ грязнаго нищаго, геніяльнаго лакея, клеветника Россіи, клеветника русской женщины.

Провожая похоронную процессію, москвичи могли пѣть хоромъ:

Соръ славянскій, грязь родная,
Слаще ты, чѣмъ медъ и сотъ.

Хвала Москвѣ! когда-то славилась она патріотизмомъ, хлѣбосольствомъ и, какъ замѣтилъ Карамзинъ, говоря объ англійскомъ клубѣ, нѣкоторою самостоятельностью мнѣній. Какъ все измѣнилось!? Съ 1812 года, патріотизма въ ней незамѣтно; гостепріимствомъ ознаменовала она себя на народномъ обѣдѣ; самостоятельность мнѣній проявилась въ благоговѣніи, съ какимъ пріютила она прахъ Гоголя и Юліи Пастраны. Знаменитый уродъ былъ тотъ идеалъ, который Гоголь носилъ въ груди и до котораго хотѣлъ унизить русскую женщину. Москва, по пристрастію къ Гоголю, сохранила все, что онъ ни выбрасывалъ и рвалъ. Напримѣръ, слѣдующее письмо къ Погодину, изъ Москвы, 1835 года:

«А чтоже брюки? о Боже мой, Боже мой, Боже мой, Боже мой! что это такое дѣлается съ ними. Пожалуйста дай знать, когда мнѣ можно тебя застать дома. Мнѣ хотѣлось поговорить еще о многихъ вещахъ съ тобою....» [1]).

[1]) Т. V, стр. 242.

Покорнѣйше просимъ многочисленныхъ его обожателей объяснить: что̀ великаго, таинственнаго, гуманнаго или философскаго въ этомъ письмѣ. Еслиже хотѣли передать потомству всего Гоголя, то по какому праву выпущены въ полномъ изданіи грязныя подробности интимныхъ бесѣдъ русскихъ дамъ, и то, какимъ образомъ Петръ Петровичъ Пѣтуховъ запутался въ неводѣ? То и другое во второй части «Мертвыхъ Душъ».

IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Пора бы намъ оставить нашего автора; но, признаемся, мы такъ съ нимъ сроднились, такъ полюбили его, что неохотно разстаемся. Впрочемъ, любить не есть настоящее выраженіе: мы благоговѣемъ не предъ авторомъ, не предъ мыслителемъ, а предъ оригинальною его фигурою, предъ его политическимъ тактомъ. Нѣсколько разъ задавали мы себѣ вопросъ: не ошибаемся ли мы? неужели таковъ былъ человѣкъ, предъ которымъ двадцать лѣтъ преклонялась Россія? Какимъ талисманомъ обладалъ онъ, чтобъ заставить всю грамотную и неграмотную Русь читать свои пошлыя

произведенія, тогда какъ современные ему писатели — Марлинскій, Квитка, Сеньковскій, Загоскинъ, люди не менѣе его талантливые, болѣе или менѣе забыты. И съ грустью отвѣчаемъ: нѣтъ не ошибаемся; ибо, принявъ за основаніе, при изученіи его жизни, преимущественно, многочисленныя его письма, мы не могли сдѣлать большаго промаха. Быть можетъ, упустили мы изъ виду какое нибудь неважное обстоятельство; позднѣйшіе біографы пополнятъ нашъ пробѣлъ. Одинъ вопросъ, и очень важный, остается для насъ несовсѣмъ разгаданъ: точно ли искалъ онъ занять постъ Жуковскаго. Если такъ, то это обличаетъ въ немъ болѣе честолюбія, чѣмъ мы предполагали. Но развѣ холопство несовмѣщается съ честолюбіемъ? Холопство есть особая форма искательности, обусловленная мѣстными атмосферическими условіями. Не всѣ чиновники довольствуются какъ Молчалинъ умѣренностью и акуратностью. Есть такіе, которые, съ гибкостью Молчалина, мѣднымъ лбомъ Загорѣцкаго, соединяютъ, подобно Гоголю, величайшую скрытность, тщеславіе, честолюбіе и деспотизмъ. Мы никогда не видали Гоголя, не знаемъ никого изъ близкихъ къ нему людей, кто бы могъ сообщить намъ подробности о его наружности и пріемахъ; но воображаемъ, что онъ былъ, въ отно-

шеніи въ высшимъ, точно такимъ, какъ одинъ нашъ знакомецъ Ѳ.

Когда милостивецъ его находился далеко, напримѣръ въ Тифлисѣ, знакомецъ мой позволялъ себѣ его ругать, но тихо, чтобъ никто не передалъ: — «капризенъ, деспотъ, а дѣла не знаетъ; дрянь, а не начальникъ». — Когда милостивецъ подъѣзжалъ, положимъ къ Ставрополю, отзывъ становился мягче: — «достойный нашъ начальникъ, прекрасный человѣкъ». — Когда же милостивецъ находился въ одномъ съ нимъ городѣ, Ѳ. говорилъ объ немъ неиначе какъ перекрестившись и обратившись къ образу: — «дай Богъ достойнѣйшему начальнику многія лѣта; царствіе ему небесное». — При видѣ милостивца, знакомецъ мой, какъ говорится, просіявалъ, пожиралъ его глазами, какъ пламенный женихъ таетъ, глядя на любимую невѣсту. Когда милостивецъ подходилъ къ нему, чтобъ заговорить, лице знакомца озарялось радостною улыбкою; легкій трепетъ блаженства пробѣгалъ по всему тѣлу; онъ былъ доволенъ, счастливъ, приходилъ въ экстазъ. Когда же послѣ долгой разлуки, знакомецъ мой представлялся своему начальнику и тотъ обнималъ его, Ѳ. цѣловалъ начальство въ плечо, въ полъ-руки и наконецъ въ руку. Способность приходить въ экстазъ по-

стоянно, при видѣ начальника, есть дѣло природы, воспитанія и продолжительнаго изученія. Только такимъ экстазомъ можно объяснить необыкновенную способность Гоголя заискивать у нужныхъ людей; въ сравненьи съ нимъ Молчалинъ и Загорѣцкій — простые школьники.

Другимъ неоцѣненнымъ качествомъ обладалъ въ высшей степени Гоголь — лицемѣріемъ, или, помягче, необыкновенною гибкостью мнѣній. Пятнадцать лѣтъ игралъ онъ двуличную роль, прикидываясь преданнымъ монархистомъ предъ Уваровымъ и Жуковскимъ, и разыгрывая либерала съ Бѣлинскимъ и его партіею. Только по изданіи «Выбранныхъ Мѣстъ» увидѣла юная Россія, что она безбожно обманута, хотѣла опрокинуть кумиръ, ею воздвигнутый; но уже было поздно: металлъ затвердѣлъ, и она должна была отказаться отъ своего намѣренія и попрежнему кадить тому, кого болѣе не уважала.

Всего удивительнѣе въ Гоголѣ — искусство вертѣть лицами, принадлежащими его партіи. Стоитъ сличить начало его поприща съ окончаніемъ. Пріѣзжаетъ въ столицу изъ степнаго захолустья некрасивый юноша, четырнадцатаго класса, воспитанникъ провинціальнаго лицея, плохо знающій русскую грамоту и, что важнѣе, безъ

свѣтскаго образованія и французскаго языка, безъ связей и денегъ. Прошло двадцать лѣтъ; этотъ юноша глава огромной партіи, передовой человѣкъ на пути къ прогрессу, Гомеръ, почти апостолъ.

И какая великолѣпная обстановка!

Пушкинъ — другъ ему; Жуковскій, единственный литераторъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ при Дворѣ и въ публикѣ — любилъ его; Уваровъ, Вяземскій, Віельгорскій — протекторы; Плетневъ — издатель сочиненій; Шевыревъ — банкиръ; Смирдинъ — дойная корова. Графъ Т., графиня Софья, г-жа N F. — гевальдигеры для заготовленія даровыхъ квартиръ. Красавица W. S. цѣлуетъ ему руки. Аксаковы горятъ такою любовью, что профэтъ бѣжитъ отъ нихъ какъ Іосифъ отъ жены Пентефрія. Восторженный Бѣлинскій стоитъ въ главѣ густой фаланги энтузіастовъ, которые, преклонивъ колѣна, восхваляютъ своего учителя. Всѣ курятъ ѳиміамъ безъ устали, увѣряютъ его, что онъ совершенъ, ловятъ взглядъ, предупреждаютъ желанія, поютъ хоромъ ille dixit.

А онъ, ille: сидитъ на престолѣ, мрачный, одинокій, завѣшанный покрываломъ; ничего ни для кого не дѣлаетъ, упивается ѳиміамомъ. Иногда наградитъ взоромъ, изрѣдка улыбнется Сенду въ

кринолинѣ; на восторженныхъ, какъ Бѣлинскій, не обращаетъ никакого вниманія.

Мизогинъ Гоголь во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ мизантропа Руссо. И тому, и другому покровительствовали женщины, съ тою разницею, что пожилой и невзрачный Руссо влюблялся въ своихъ благодѣтельныхъ фей; а Гоголь, гораздо моложе лѣтами, не въ состояніи будучи ни чувствовать, ни внушать любви, требовалъ отъ своихъ покровительницъ обожанія.

Не знаю, что вы думаете, почтенные читатели, а я въ восторгѣ отъ политическаго такта хитраго малоросса, и желалъ бы передать вамъ высокое мнѣніе о Гоголѣ. Кто изъ васъ, милостивые государи, былъ такъ счастливъ, или, лучше сказать, такъ искусенъ, чтобы найдти милостивца, котораго можно было бы сѣдлать во всякое время и чрезъ двадцать лѣтъ видѣть его такимъ же смирнымъ и усерднымъ, какъ въ первый день; или барда, какъ Бѣлинскій, который умираетъ съ тоски, что не можетъ болѣе воспѣвать своего героя; или пылкихъ друзей, которыхъ любви надо бѣгать.

Все это доказываетъ, по нашему мнѣнію, необыкновенный даръ Гоголя вертѣть людьми, съ коими находился въ сношеніяхъ. Въ ту эпоху онъ ничего болѣе не могъ сдѣлать. Но въ смут-

ныя времена, съ его честолюбіемъ, тщеславіемъ, краснобайствомъ, лицемѣріемъ, умѣніемъ создать преданныхъ людей и употреблять ихъ, онъ сдѣлался бы важнымъ политическимъ дѣятелемъ, замѣчательнымъ площаднымъ ораторомъ, опаснымъ крамольникомъ. Въ эпоху самозванцевъ, онъ какъ Ляпуновъ, военнаго духа котораго не имѣлъ, измѣнилъ бы шесть разъ въ теченіе двухъ лѣтъ; сыгралъ бы отлично Тушинскаго вора, а при царевнѣ Софьѣ обработалъ бы роль Никиты Пустосвята почище этого изувѣра. Но не былъ-бы ни Сусанинымъ, ни Мининымъ и никогда не произвелъ-бы ничего добраго или великаго: ибо не имѣлъ ни патріотизма, ни великой идеи, ни преданности какому либо принципу. Собственное *я* — было божество, которому онъ исключительно поклонялся и для котораго всѣмъ жертвовалъ. Отдавая полную справедливость отличнымъ талантамъ Гоголя, мы должны сказать, что самое время, въ которое онъ жилъ, много способствовало его успѣху.

Состояніе того времени пробивалось, хотя впрочемъ слабо, въ каждой главѣ первой части «Мертвыхъ Душъ». Второй томъ гораздо ближе къ дѣйствительности, вѣрнѣе изображаетъ провинціальный бытъ; но онъ скученъ. Въ немъ нѣтъ шика, составляющаго оригинальность перваго тома;

нѣтъ ходулей, воззваній къ Россіи; въ немъ не видно профэта, не отзывается собственное неудовольствіе и современная тоска. Весь первый томъ есть очень искусная клевета на Россію; съ рѣдкимъ увлеченіемъ, Гоголь увѣрялъ, что это не карикатура, а портретъ; что въ провинціи всѣ служащіе въ родѣ городничаго и Тяпкина-Ляпкина; помѣщики — Ноздревы или Плюшкины, а всѣ дамы — Коробочки.

Вотъ отчасти разгадка его успѣховъ и безчисленнаго множества подражаній — Губернскихъ очерковъ, Губернскихъ карнаваловъ, Медвѣжьихъ угловъ, Военныхъ сборниковъ и всей обличительной литературы. Это направленіе продолжается и по-нынѣ. Когда-то мы хвалились, что забросаемъ Западъ шапками; настало время реакціи; мы впали въ другую крайность и, вторя грязному апостолу, кричимъ во все горло: «У насъ все дурно, чортъ возьми, все: провинція, армія, народъ, помѣщики, духовенство, кредитная система, патріархальное начало, акціонерныя общества — и знаменитое *мы не созрѣли* есть отголосокъ его разноглагольствованій. Вмѣсто того, чтобы любить, уважать свое отечество, мы предаемся гнусному пороку, отъ котораго умеръ Гоголь;

вмѣсто того, чтобъ лечить наши раны, мы разтравляемъ ихъ.

Второе, внѣшнее обстоятельство, способствовавшее успѣхамъ Гоголя, есть неразвитость русской публики, которая восхищалась и долго еще будетъ восхищаться милашкой Поль-де-Кокомъ. Грубая сатира, площадной слогъ, лакеизмъ нравились многимъ изъ читателей. Двадцать лѣтъ публика восторгалась и платила деньги двумъ ловкимъ шарлатанамъ: Сеньковскій просто дурачилъ ее; она не замѣчала. Гоголь увѣрялъ, что въ Россіи одна грязь; она благоговѣетъ предъ нимъ.

Послѣдняя, внѣшняя причина успѣховъ Гоголя — есть пятая стихія, отысканная Наполеономъ въ Литвѣ — грязь. Ее замѣтилъ онъ на большихъ дорогахъ; но она проявляется болѣе или менѣе въ домахъ, убранствахъ, въ головѣ и даже немного и въ сердцѣ русскаго человѣка. Это ведется издавна. Иностранцы, бывавшіе въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ, крайне рѣзко отзываются о нечистотѣ, господствующей даже во время обѣда [1]). Крижаничъ, жившій въ XVII столѣтіи, пишетъ,

---

[1]) Костомаровъ въ «Современникѣ», апрѣль 1860 года: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа». Стр. 319, 327.

что Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: «Если эти люди еще нѣсколько разъ придутъ ко мнѣ, мнѣ нужно будетъ выстроить имъ свиной хлѣвъ: потому что, гдѣ они поживутъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада». Александръ Дюма, проѣхавъ отъ Петербурга до Тифлиса, завѣряетъ, что въ цѣлой Россіи онъ нашелъ одинъ только ватерклозъ. Въ нѣмецкихъ гостинницахъ удивляются огромному числу богатыхъ платьевъ у русскихъ туристокъ и малому количеству ихъ бѣлья. Все это остатки татарщины, отъ которой, благодаря Бога, начинаемъ понемногу освобождаться. Гоголь имѣлъ самое теплое сочувствіе къ русской грязи. Сколько можно судить по его обширной перепискѣ, заграницей онъ оставался ко всему равнодушенъ. готическое зодчество въ Кельнѣ, соборъ Петровъ въ Римѣ, парижская камелія, итальянская опера, Ватиканъ, Рафаэль, помпеянскія развалины — ко всему онъ остался холоденъ и заинтересовался только видомъ свиней, гуляющихъ по римской грязи. Біографы его налегаютъ на это обстоятельство, и намъ остается повторить ихъ слова: «Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ,

мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему» [1]).

Дѣйствительно, одинъ любитель грязи могъ съ такою любовью отыскивать все сальное—изобразить Петрушку, носящаго съ собой свой собственный запахъ; чиновника, рыгающаго на сценѣ; ребенка, пачкающаго фракъ Чичикова; Маниловскія капли, и т. п.

Трудно, почти невозможно, въ двухъ—трехъ словахъ составить ясную характеристику извѣстнаго писателя; о достоинствѣ и значеніи ихъ пишутъ диссертаціи — и предметъ остается неисчерпаннымъ. О Гомерѣ разсуждаютъ, спорятъ двѣ тысячи лѣтъ и не во всемъ соглашаются. Есть однакожъ писатели, которыхъ умственная дѣятельность проникнута была одною идеею въ такой сильной степени, что можно ее выразить, если неточно, то приблизительно, однимъ словомъ Такъ, напримѣръ, главная идея:

Сафо — любовь.
Анакреона — наслажденіе.
Горація — эпикуреизмъ.
Овидія — сладострастіе.
Лукана — республиканскій духъ.
Мильтона — гордость.

---

[1]) Опытъ біографіи Гоголя, стр. 110.

Свифта — мизантропія.
Чаттертона — высокомѣріе.
Шеллея — атеизмъ.
Вальтеръ-Скотта — воспоминанье.
Байрона — отчаяніе.
Вольтера — насмѣшка.
Руссо — соціализмъ.
Дидерота — ничтожество (le néant).
Корнеля — римская доблесть.
Расина — чувство.
Гёте — эгоизмъ.
Шиллера — идеализмъ.
Державина — слава Екатерины.
Жуковскаго — грусть.
Батюшкова — нѣга.
Крылова — здравый смыслъ.
Сеньковскаго — презрѣнье къ Россіи.
Гоголя — грязь.

Намъ кажется, что вѣрнѣйшая характеристика Гоголя давно сдѣлана Крыловымъ:

«Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшень тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по́-уши до-сыта накупалась;
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньей.
«Ну чтожъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?
Свинью спросилъ пастухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,

Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ, такъ одно богаче другаго»?
Хавронья хрюкаетъ: — «Ну право порятъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ и соръ;
А кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Вступленіе . . . . . 6.
II. Гоголь — семьянинъ . . . . . 8.
III. Гоголь въ Петербургѣ. . . . . 45.
IV. Отъѣздъ за-границу . . . . . 64.
V. Жизнь за-границей . . . . . 80.
VI. Гоголь — патріотъ и гражданинъ . . . . . 94.
VII. Гоголь — литераторъ. . . . . 103.
VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями . . . . 132.
IX. Заключеніе . . . . . 159.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр. сверху.*	*Напечат.*	*Читай:*
16	8	Кюнерсгартенъ	Кюхельсгартенъ
24	11	выказывяться:	выказываться.
29	21	вишедъ	вышедъ
52	1	сочувствствія	сочувствія
50	15	перепискѣ;	перепискѣ,
102	11	офиціяльнаго	офиціяльнаго міра
110	26	109	108
115	10	выводитъ	выводилъ
126	20	Шарлотту; Лили	Шарлотту, Лили;
226	24	Донъ-Жуана,	Донъ-Жуана:

LIBRARY OF CONGRESS
00025318973